

Зинзивер № 2 (146) 2025

2025
Санкт-Петербург

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА, СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
И ХОЛДИНГА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

**Издатель Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)**

Председатель Редакционного совета
Тамара Буковская

Главный редактор
Евгений Степанов

Заместитель главного редактора
Ольга Денисова (проза)

Заместитель главного редактора
Ольга Ефимова (поэзия, критика)

Редакция:
Максим Жуков (электронная версия)

Галина Илюхина

Сергей Киулин

Фёдор Мальцев

Валерий Мишин

Ирина Ракитина (верстка)

Адрес:
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводской проезд, д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Союз писателей XXI века, издательство «Вест-Консалтинг», редакция журнала «Зинзивер»
Степанову Евгению Викторовичу

E-mail: zinzivier@mail.ru

Сайт журнала
<https://www.zinziver.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Колонка главного редактора</i>	5
---	---

ПОЭТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Наталья РАЗУВАКИНА. Девятый вал предчувствия весны. Стихотворения	6
Светлана ЕРЕМЕЕВА. Метафизика бытия. Инсектарий. Стихотворения	12

ПРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Константин КЕДРОВ-ЧЕЛИЩЕВ. Космог. Поэма	22
Константин КОМАРОВ. Отсутствие черновика. Стихотворения	27
Елена ПАВЛОВА. До сих пор радуюсь этому чуду. Стихотворения	32
Андрей ШУТОВ. Тишина — великая музыка. Стихотворения	39
Николь ВОСКРЕСНАЯ. Из книги «Огнеопасно». Стихотворения	43
Марианна РЕЙБО. Три стихотворения	47
Евгений СТЕПАНОВ. Два стихотворения	51

АФОРИЗМЫ

Юрий ТУБОЛЬЦЕВ. Про шахматы	53
-----------------------------------	----

МИНИАТЮРЫ

Людмила ОСОКИНА. Очаковский пруд	55
--	----

СКАЗКИ

Павел ЩЕРБАКОВ. Две сказки	60
----------------------------------	----

ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. «Много правды горькой и простой...» (очерк жизни и творчества Н. А. Некрасова)	64
---	----

РЕЦЕНЗИИ

Пётр Кобликов, «Слово редактора» (Ольга ЕФИМОВА)	
Константин Комаров, «Стихи о русских поэтах» (Константин ШАКАРЯН)	86

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги и читатели!

Мы продолжаем работать.

Все номера журнала «Зинзивер» можно купить в магазине www.litlavka.ru

Покупая наш журнал, вы поддерживаете равновесие сил в литературном мире.

Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ

Поэт и журналист. Родилась в Хабаровске, долгое время жила на Урале, затем в Переславле-Залесском. Работала в различных СМИ. Стихи публиковались в литературных журналах «Новый мир», «Дети Ра», «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Плавучий мост», «Кольцо А», «Дальний Восток», «Урал» и др. В 2018 г. стала победителем в международном конкурсе русскоязычной поэзии «45 калибр». Автор книг «Быстрая Синева» (М., Арт Хаус Медиа, 2020), «Дикороссия» (М., Свободный писатель, 2021) и «Если б я знала» (М., Русский Гулливер, 2023). Живет в Санкт-Петербурге.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ ПРЕДЧУВСТВИЯ ВЕСНЫ

* * *

Темнеет рано, иней, разговоры,
девятый вал предчувствия весны.
Ни шороха, ни дыма, ни укора,
ни времени, ни смерти, ни войны,
лишь кружево дыханий законных
и завтрашний неласковый рассвет;
отцы — о вечных кознях Аполлона,
сыны — вне мира, вечности и лет.

* * *

Юная скажет: уйду, нету мочи.
Мудрая скажет: пройдет, переждем.
Дурочка — молча: Господи, помоги!
Мудрая знает: просто не с той ноги.
Юная глянет через плечо — догоняет ли?
Дурочка дует в дудочку
и немножко мается.
У нее ни старости,
у нее ни мудрости,
два глотка усталости,
и все льются, льются

перезвуки-лютики —
чистое забвение.
Я давно не женщина.
Я — стихотворение.

СВИРЕЛЬ

1.

Кто не умрет в своей постели,
Тот не укушен, не подстрелен,
Свирелью фирменной, свирелью
Сведен в ущелье.
Лежишь с дырявыми глазами
В рубахе с нимфами и львами
И шевелятся под усами
Стихи стадами.
А фирма веников не вяжет.
И похоронит, и отмажет.
Издаст, забудет, перескажет
И рядом ляжет.
Звени, пластмассовый соловушка.
Струя воды тебе в головушку.
Свистулька-дурь изрубит в кровушку
Синичку-совушку.

А я — летучее изделие.
Я из бамбука, не из дерева.
Бамбук — нечаянная дудочка.
Я на минуточку.

2.

Человек разобран на кусочки.
Пылью изошел в цветную взвесь.
Не гони волну, как гонишь строчки.
Спи-усни, такой хороший весь.

3.

Не хочу я танцев — ни с бубнами, ни на цыпочках.
Ни во сне, ни в луче рассветном, ни в темноте.
Я люблю оборванцев блестящих, как медь в рассыпочку,
И когда гарнизоны фламинго крутят шеями так синхронно
На экране, в чужой мечте.

4.

Слишком смуглая, чтобы носить голубое.
Слишком резкая, чтобы углем рисовать.
Почему я с тобою — рабой с королевским подбоем,
Почему эти кошки, цветы и кровать?

5.

Любить наука страшная
Не в прописях дана.
Я дудочка бумажная,
промокшая сполна.

Горят озера синие —
лампады на спирту.
Возьми меня, неси меня
Былинкою во рту.

Горят лампы красные,
в туман горят и в дождь.
Я лезвие опасное,
Молчи, а то умрешь.

Не шевели губами-то,
тихохонько иди.
Люби меня по памяти,
по колышку в груди.

* * *

Ну хорошо, давай про абажур.
Ты эту бахрому и не заметил,
А я про что угодно расскажу,
Как твой будильник — оголтелый петел.
Про день, грядущий в оторопь зимы,
Про белы снега и про черны думы...
Но да, про абажур, не зря же мы
Под ним вчера устроились угрюмо,
Хотя — отнюдь, отчетливо вполне
Предполагая лакомство, и чинно.
Учили в школе: истина в вине.
Сейчас я знаю: только в капучино.
Вот круг забот и круг знакомых вот —
Гляди, очерчен случаем и лампой.
Поэт, синоним в скобках — идиот.

О том и речь, но мне противны штампы.
Бездельники, кователи словес
Из пластилина вымышленных судеб —
С бумажным АКМ наперевес
Бегут ко мне в соперники и судьи.
А я сижу в окошечко гляжу
На Моховой с тобой в полуподвале
И рассказать могу такую жуть,
Что мой читатель выдержит едва ли.
Но я кофейной ложечкой вожу
По блюдечку. И суффиксы бесстыдно
Под бирюзовый брошу абажур —
Слеза и сахар, в полутьме не видно.
Кристаллами. А все ж не без креста.
И потому молчанье злее друга.
А за окном все та же Кали-Юга.
А за окном все та же красота.

* * *

Люди боятся, как будто бы смертны.
Люди страдают, как будто бы живы.
А варианты у смерти несметны.
А на ладошке все линии кривы.

Медленно, медленно чайник вскипает.
Я заварю, но уже расхотела.
Осень приходит на ощупь, слепая.
Под ноги листья, как тело на тело.

Так бы и жить. Но уже не умею.
Небо раскосыми прядями тает.
Кукле виниловой завтра на шею
Бусы рябиновые наматаю.

Снова приснится большое движенье —
Люди под вытекшим солнцем, скитальцы.
Это не ягоды, это мишени,
Все до единого, даже китайцы.

Катится ночь и шевелится трасса.
По ярославке всегда оживленно.
Вот и выходим из танца, из транса
В тайную живопись первых пеленок.

В перерождение до птичьего лета
К лику умытого Божьего сына,
К первой свободе бессмертного лета,
Где тополиные тени косые.

* * *

Здесь пахнет хлебом,
Как в большой беде
Не помнили и даже не мечтали.
На улицах и далее везде —
На крыше, в переходе, на вокзале,
В театре, у фонтана и в метро,
В утробе госпитальной и в парадной,
И кошки во дворах глядят хитро
И под руку подходят безоглядно,
Доверчиво, они же микрольвы,
И микросфинксы, город им — отрада...
Снял Петербург цилиндр с головы,
Вдыхая хлебный ладан Ленинграда.

* * *

Московский август — это лимонад.
На дне сироп. Козленочком не станешь.
Молитвослов, раскрытый наугад
В подземке за железными устами,

Усталость как вселенская печать,
Печали нет — причал под первой липой,
Вполголоса мелодию качать
Об утомленном солнце — вот прилипла...

И голуби расстегивают рты,
Глотают вязкий воздух будто манну,
А ночью очумелые цветы
Перемигнутся весело и странно.

На самой нижней ноте бытия,
На тайной сладкой выморочной ноте
Они как ты, а может быть — как я:
Всегда во сне и все же на работе.

Блаженство не бояться черных птиц,
Шагать в жару под солнцем утомленным.
Но горьким морем пахнет от страниц.
И горьким хлебом. И травой зеленой.

МЕТАФИЗИКА БЫТИЯ. ИНСЕКТАРИЙ

БАБОЧКИ

Бабочки не летают в моем сердце
Я выпустила их на волю
В небо
В море
В поле
Их тысячи
Вне моего тела
Перламутровых
Пурпурных
Пряных
Словно заброшенный домик
Я опустела

ПОЛИПТИХ

1

Красные, желтые, зеленые
Брызги
На крыльях застыла
Палитра лета
От красок рождается
Головокружение
Звуки различать
Сил нету

Бабочки взлетают
К самому Солнцу
Бабочки с Солнцем
Сплавляются заживо
Сгорают
В вопль трансформируясь
Громкий
Из миллиарда душ
В одну душу
Сливаясь

2

Море бирюзово-белое
Накатывает и отступает
Волны пахнут елеем
Прозрачная пена тает

Бабочка голубая как небо
До самого горизонта
Распласталась
Золотые лучи ветра
Крылья невесомые
Пронзают

Море взлетает к небу
На тысячи брызг разбиваясь
На звезды делясь и планеты
В бабочку вновь превращаясь

3

Город разбивается на кирпичи
Рушится каменная вселенная
Миллиарды огненных атомов
Обрушивается в кипящую бездну

Из черноты вылетают бабочки
Нежно-голубого цвета
Космос мимикрирует
Он оранжевый
На самом исходе лета

В поле угасают цветы
Бледно-желтые
Мертвенно-красные
Нет ничего в этом мире
Отцветающих бабочек
Прекраснее

4

Бабочки — шальные огоньки
Брызги волн морских
Безумное виденье
Крыльев вихри
Наперегонки
Улетают в центр пробужденья

И глаза горящие глядят
С разноцветных дышащих полотен
Бабочки уснувшие летят
Ветер в даль их дальнюю
Уносит....

* * *

Бабочка закрывает глаза
Желтые и красные фигуры
Кружат резкими зигзагами
Над темным глубоким кругом

Колодец, в который падают
Стрекозы, майские жуки,
Люди, пчелы, ягоды,
Машины, дома, пауки

Два силуэта в окне
Прижавшись друг к другу близко
Тоже исчезнут в тоннеле
Ее невесомой мысли

Бабочка улетит
В разноцветной стае
Растает
Небо как серый магнит
Затягивает и пленяет

НИМФАЛИДЫ

Репейницы. Траурницы.
Крапивницы. Лимонницы.
Пестрый караван
Над ячменным полем
Нимфалиды — примачи
Нимфалиды — охотницы
И ни те, ни другие
Не чувствуют боли

Их тела невесомы
Крылья прозрачны
Сквозь кровь проступают
Сотни оттенков
И желтый взлетает
И синий, и красный
С цветка на цветок
С ветки на ветки

С неба как дождь
На землю прольются
Бабочки-звезды
Души планет
Они здесь случайно
Им нужно вернуться
Туда, где мерцает
Заоблачный свет

ЛОВЕЦ БАБОЧЕК

Ты — пестрая бабочка
А я — ребенок
Бегу за тобой
По ячменному полю
С широким сачком
И слышу как звонко
Шуршат твои крылья
Над пашней
На воле

Но скоро поймаю тебя
И булавкой
Проткну твоё тело
И там, под стеклом,

Ты будешь смотреть
На меня
Безоглядно
Мой крошечный пленник
Окованный сном

СТРЕКОЗА

Разноцветные витражи
Стрекоза
Стекла розово-голубые
Крылья прозрачные
Пронзают
Воздуха струи
Тугие

Палочка
Тонкая как чувство
Ломкая
Как эмоция
Вибрирует призрачный
Хруст
Сердце под изломами
Бьется

Стрекоза
Потеряла разум
И летит
Повинуясь ветру
Сердце ломкое
Сжимает спазм
От любви
Неземной
Смертью веет

КРЫЛЬЯ СТРЕКОЗЫ

Стрекозы раздробленные крылья
Ветер к речке холодной несет
Звон разносится непрерывный
Над пустынной подвижностью вод

Стрекоза смотрит пристально... больно...
До конца остается лишь миг
Разобьются крылатые стекла
И безмолвный развернется крик

ПАУК

Взбирается по тонкой нити вверх
Невидимый
Плетет прозрачный лабиринт воспоминаний
То пробежит по закоулкам человек
То проплывет по глади волн корабль

У паука есть миллиарды нитей
Есть сотни городов
Есть небо и земля
Рождение и смерть
И солнце и луна
Их шум, их яркий свет
Вовеки будет длиться

ПАУК И МУХА

На ветру шелестит паутина
Лепестки маргариток и лилий
Словно бабочек крылья застыли
Зацепились прочные нити

Посреди лепестков и пушинок
Спит паук
Или делает вид
Поджидая осеннюю муху
Тишины
Разрывается крик

СОРОКОНОЖКА

Сороконожка пересекает
Стеклянную поверхность циферблата
От единицы до семи
Бежит стремглав
И на восьмерке застывает

Словно рука
Которая часы заводит
Сороконожка оживляет все вокруг
Взлетают птицы
Яблони цветут
Там, в отражении стекла
Вся жизнь проходит

СКАРАБЕЙ

Он ползет по отвесной стене
Исполосованной иероглифами
Скарабей
В неиссякаемой тьме
Расцвеченной
Квадратами и треугольниками

И глядят на него божества
Под личинами кошек и птиц
И все длится и длится стена
Скарабею от них не уйти

От невидимых пристальных глаз
Боги тысячи лет говорят
Но лишь с теми, кто может понять
То, о чем скарабеи молчат

ГУСЕНИЦА

С листа на цветок
С травинки на стебель
Медленно
Гусеница ползет
Ей не слышно
Кружение голосов
Птиц весенних
Недоступно пение

Ярко-зеленая
Гладкая
Глянцевая
Словно из космоса
В скафандре приземлилась
Гусеница движется
К неизбежному счастью
С каждым мгновением
К МЕТАМОРФОЗЕ ближе

ПЧЕЛЫ

Пчелы вибрируют
По спирали
То вспыхивают
То угасают
Огромные пчелы
Печали
Безжалостно
Душу жалят

Космос прописан
Запахом
Воспламененного меда
Слезы с небес капаят
Планета вспыхивает от боли

Дрожит угасающий
Полдень
Поле покрыто телами
Маленьких золотых пчел
Что трудились,
Покоя не зная

ПЧЕЛЫ. ТАНЕЦ СМЕРТИ

В детской тихо и темно
Вечер прячется за елью
Бьется в мутное стекло
Пчел цветное ожерелье

По столу плывет ладья
С апельсиновым вареньем
В ночь спускает якоря
А над мачтой — крыл движенье

Пчелы рвутся стервенея
Верной гибели в объятья
Дно хрустальное устелют
Их сафьяновые платья

ШМЕЛЬ

На тень от моей ладони
Садится шмель
Тень от моей ладони
Сжимает его в своих пальцах
Все в этом мире
Принадлежит только лишь
Моей тени

БЕГЛЕЦ

Ты скрылся от меня
В оранжевом бутоне
В гвоздике или розе
Как будто черный шмель
У ледяной реки
На живописном склоне
Ищу тебя везде
Мой ядовитый зверь

Твой взгляд ловлю в сачок
Как майского жука
И бережно кладу
В бумажную коробку

Но мертвым достаю
И ты — издалека
Зовешь меня вперед
Опять
Без остановки

Лечу как махаон
И крылья кровоточат
Ты скрылся от меня
В оранжевых садах
Но где они цветут
Ты мне сказать не хочешь
Где тысячи Тебя
В бесчетных лепестках?

МУРАВЕЙНИК

Храм посреди леса
Подвижный колышущийся
Храм
Миллиарды муравьев
Двигутся
По галереям и бесчетным этажам

Храм в постоянном развитии
В бесконечном стремлении
Вверх
К небесам
Облакам
К строительству
Храмов дальних
Нездешних планет

Поэт, критик, издатель. Родился в 1942 году в Рыбинске. Окончил историко-филологический факультет Казанского университета и аспирантуру Литературного института имени А. М. Горького. Кандидат филологических наук, доктор философских наук, профессор Литературного института имени А. М. Горького. Издатель и главный редактор «Журнала ПОэтов», член редколлегии журнала «Дети Ра», член Союза писателей XXI века. Автор многочисленных книг и публикаций. Живет в Москве.

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

КОСМОЗГ

(Поэма)

Меня от Космоса всю жизнь все время отстраняли
Когда критиковали и ругали
Но я от Космоса отнюдь не отстранился
Поскольку в Космос на всю жизнь влюбился

Да, Космос мой совсем не матерьялен
Но для меня он больше чем реален

В нем многозначно все и символично
О Космосе нам думать неприлично

Положено писать о нашем быте
Не верьте им и Космос полюбите

Из Космоса всегда приходит весть
Что тайна есть и Бог на свете есть

Запомни, что Земля поката
И вот ответ
Когда ты вышел из заката
В другой рассвет

С той стороны рассвет закат
Вот почему наш мир покат

Поэтому наш мир покат

Нам Маяковский говорил когда-то
Мол, можно убедиться, что Земля поката
Конечно в этом можно убедиться
Но каждый в свой закат рассвет стремится

Я существую стало быть и мыслю
И к ангелам земным Ее причислю

Было все не все и я замечу
Что себя тобой очеловечу

Я всегда иду к тебе навстречу
Я с тобою мир очеловечу

Когда-то я счастливым был
Не разлюбил не раз любил

Боже мой какие в мире распри
Отбирают здание у АСПИ

Аспиранты падают с перин
Аспиранты но зато остался аспирин
Аспиранты пейте аспирин

Как странно это, странно то
И то, и то, и то, итог
Все превращается в ничто
А из ничто творится все

Хотел я в негу окунуться
Меня заставили проснуться

А собственно зачем проснулся?
И снова в негу окунулся

Я повторяю снова снова
Я повторяю слово в слово
Жива поэзия, жива
Слова, слова, слова, слова

Россия должна быть сильной
Россия должна быть стильной
А если страна не стильная
То значит она не сильная

Какое же это благо
Что был Андрюша стилиста

Да был Андрей Вознесенский
Великий поэт вселенский

А рядом такой же гений
Стилягою был Евгений

О Боже какое благо
Великий поэт — стилиста

Их как только не обзывали
Ревели и завывали

Хрущёв ревел как бизон
И гнал из России вон

Но были свободы вестники
Художники-беспредметники

Был Фальк гонимый прелестный
Был рядом Эрнст Неизвестный

О Боже какая сила
Поэтов ввысь возносила

Ушли генсеки-безбожники
Остались с нами художники

Россия страна гигантов
Художников и талантов

Обрушили дурь догматики
Поэты и математики

Россия непобедима
Россия необходима

Кручёных грозный язык
Спасает русский язык

Да выстроен на века
Храм русского языка

От Запада до Востока
Звучит в нем молитва Блока

Уходит за грани мира
Поэтика Велимира

Как узок круг интересов
Воинствующих дантесов

Воюете с языком?
Нам этот прием знаком

А вас навсегда забудут
Но Пушкин и Бродский будут

Художнику чужд запрет
Мыслитель всегда поэт

Пишите друзья пишите
И судьбы страны вершите

Вершите от слова вершина
Вершина а не машина

Хотя утверждает некто
Искусственность интеллекта

Его победит в момент
Естественный интеллект

Есть тест на идиотизм
Марксизм тире ленинизм

Мыслитель сдает ЕГЭ
Вселенской Бабе Яге

Наверное для прикола
Пришла Болонская школа

Отстаньте от нас, подонки
Ведь мы отнюдь не болонки

У созвездия под подушкой
Спит царевич обнявшись с лягушкой

Спит с лебедкой царевич Гвидон
Дон Гвидон, Гвидон дон дон

Спит царевна и лягушка
Над всеми звездная подушка

Внешне внутренне и наружно
Я привязан к тебе страна
Маленькой девочке срочно нужно
Очень правильного пацана

Очень долгое разбирательство
Кто кому когда изменяет
Обращаюсь к Солнцу «Ваше сиятельство»
Солнцу нравится и сияет

Из подтекста смысла выходит текст
Образую круглую словосферу

Иногда любовь переходит в секс
В Троицу Надежда, Любовь и Вера

Жизнь моя осталась не пережитой
Да и невозможно все пережить
Битого конечно везет небитый
Сложное в несложное не вложить

Все во мне сияло и все лучилось
А ведь не случилось все что случилось

Все лучи случаются в вышине
Снова не кончается жизнь во мне

Мой космос в тумане светит
Искры гаснут на лету
Ночью нас никто не встретит
Мы умчимся в высоту

1 февраля 2025 г.

Поэт, литературный критик, литературовед. Родился в 1988 г. в Свердловске, окончил Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина. Кандидат филологических наук. Как поэт и литературный критик публиковался в литературных журналах «Дети Ра», «Зинзивер», «Дружба народов», «Урал», «Звезда», «Нева», «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», «Вопросы литературы» и др. Постоянный участник Форума молодых писателей «Липки» (2010–2024). Автор нескольких книг стихов («Почерк голоса», «Только слово», «Невеселая личность», «Соглядатай словаря», «Фамилия содержания», «Безветрие», «От времени вдогонку») и сборников литературно-критических статей «Быть при тексте», «Магия реализма». Член Союза российских писателей, Союза писателей Москвы, Русского ПЕН-центра. Победитель «Филатов-феста» — 2020. Лауреат премии «Восхождение» (2021). Финалист литературных премий «Дебют» (2013, 2014), «Лицей» (2018, 2021), «Новый звук», «Белла», Премии им. Бажова и др. Лауреат премий журналов «Нева», «Урал», «Вопросы литературы».

ОТСУТСТВИЕ ЧЕРНОВИКА

* * *

Траектория кривая
нарушает строй,
в небе взрывом вызревая
для земли сырой.

Спи, зрачком потертым тронув
траурный рассвет,
в дреме растворяя дронов
пламенный привет.

День, обкусанный войною,
взят на карандаш.
И омыт взрывной волною
времени пейзаж.

* * *

Дома дымного насельник,
что ж ты сплющился и сник?
Песни плесени осенней
в глотку летнюю плесни!

Чем страшнее, тем успешней
находиться на краю.
Это вышний воздух вешний
заполняет кровь твою.

Это от твоих прогулок
по вселенной занятой
каждый встреченный проулок
скрючивался запятой.

Ты ж о том и пел, боля,
вкривь и вкось кроя кровать,
ибо нам, гипербореям,
не пристало горевать.

Вынырнувши из девайсов,
загребая воздух ртом,
не сдавайся, не сдувайся,
оставайся на потом!

* * *

Завоняет — только троньте —
загнивающей айвой
лишний, словно франт на фронте,
полый дискурс речевой.

Музыкой взрывной измотан,
зуб вонзая в баблгам,
лупит музыкант по нотам,
как защитник — по ногам.

Но когда кредит погашен
тишиною — он в момент
уберет в глухой заглазник
свой шумливый инструмент.

Музам не раздали ружья,
вот и катится наш день —
от дрожащей пьяной дружбы
к повреждающей вражде.

И взыскупя серой платы
за непрошенный постой,
тени рыщут у палаты —
платной, пыточной, шестой.

* * *

Полушепотом, только губами
Расскажи мне о том, как с нуля,
Спесь у Хаоса чуть поубавив,
Возникает из слова — земля.

А из этой земли прорастает,
В форме дерева или горы,
Все, что хочешь, здесь схема простая:
Так богами творятся миры.

Ты молчишь и с собою уносишь
Эту смертную дикую страсть.
И качается циферка 8,
И готовится набок упасть.

* * *

Плыву, как в триреме,
в любимой норе,
термометра тремор
силен в сентябре.

Мне больше не надо
ни встреч, ни погонь.
Я, как терминатор,
спускаюсь в огонь.

В своей полувере
я здесь испокон,
хожу в пуловере
курить на балкон.

И пробую речью
сказать, что хочу,
и свет огуречный
дыханьем горчу.

Как остов состава,
ржавеет стена,
похмельная слава —
со мною сполна.

Тепло отпевает
больная листва,
душа отпивает
глоток естества.

И — выжимкой духа —
слеза налегке,
как сонная муха,
скользит по щеке.

Сомнение не плющит,
не торкает стыд.
А вечером Пущин
меня навестит.

* * *

Когда ты в чистую страницу
вворачиваешь слова винт,
местоименья прячут лица
и делают глаголы вид

столь глупый и несовершенный,
что совершенней не найти,
и каждой строчки завершение —
начало нового пути

туда, откуда нет возврата —
никак, ни под какой залог —
и это небольшая плата
за то, что ты сейчас замолк

и окунулся в безглагольность,
как будто в прорубь головой,
чтоб наконец расслышать голос —
уже практически не твой.

* * *

Я слышу только ультразвуки
из дальних внутренних уганд
и костные хрящи разлуки
перешабаю наугад.

И — ни стратег уже, ни трагик,
ни прорицатель боевой —
я знаю высыхание влаги
в вальхалле тела своего.

Какая кровь? Какая сперма?
Раскаялся былой маньяк...
Теперь — сплошной звенящий Лерма
да негасимый мой Маяк.

Но и на этом на пределе —
нелегитимном, нулевом —
я все же остаюсь при деле,
как при раненье пулевым.

И, как бы в горле ни першило
от варева сухих лексем,
я верую, что так паршиво
бывает далеко не всем.

Вот потому и все неустречи,
весь алфавит — от а до ю —
я сыплю зернышками гречи
на темя потемневшей речи.

И время неумело лечит
гордыню горькую мою.

Поэт. Член Союза писателей России, Союза писателей XXI века, творческого совета Международной Ассоциации Граждан Искусства (М. А. Г. И.). Автор книг стихов «Я люблю этот мир» (2009), «Восточный ветер» (2010), «Лодка» (2011), «Погоня за горизонтом» (2021), «Ковчег» (2022), «Мираж» (2024), вышедших в издательстве «Вест-Консалтинг». Живет в Москве.

ДО СИХ ПОР РАДУЮСЬ ЭТОМУ ЧУДУ

ДУША

душа бывает разная
ручеек
река
озеро
океан
вселенная
познай себя через себя

ВИТОК

уже теперь знаю
где больно и страшно
на самом краю
где теряя опору
достигаешь дна
начинается новый виток
бесконечной спирали жизни

ОПОЗДАНИЕ

наверно
невозможно
опоздать
родиться
умереть
возможно
опоздать
ж и т ь

ТУННЕЛЬ

вагон метро
темнота окна
смотрю на свое
отражение
пока поезд идет
через туннель
я ЕСТЬ
след

на мокром
песке
след
иду
по нему
здесь
птица
взлетела
а я все жду
п р о д о л ж е н и е

ЗИМА

в этот год
зима запуталась
забыла свою игру
от бессилия капризничает
и плачет как малыш
а я каждый день жду
прохладного
танца снежинок
на моих щеках

ПИСАТЕЛЬ

писатель может не выходить из дома
клубок времени мира у него в голове
только найти конец нити привязать к ручке
и осторожно разматывать его на чистый лист бумаги

ПУТЬ

чем дальше
тем интереснее
стало здесь жить
мечты сбываются
желания исполняются
страхи становятся помощниками
даже редющий круг близких и друзей
воспринимаешь как закономерность

СОРЕВНОВАНИЕ

человек растет
сравниваясь
с травой
забором
домом
небом
космосом
кажется не сто лет жизни
а сто жизней за один век

КОСМОС

нырнув в себя
упал в темноту
никто не слышал его крика
он до сих пор летит
в бесконечности
своего космоса

ЧУДО

давно старший брат
научил меня поджигать на окне
бумагу через увеличительное стекло
до сих пор радуюсь этому чуду

СОСНА

много лет назад
сухая сосна
упала от ветра
на свою соседку
они до сих пор вместе
неизвестно кому повезло
деревья своих не бросают

СЕЗОН

осенью опадают
грустные смайлики листьев
земля кроется желтыми лицами
теперь уже никому не нужными
потом их сметут сожгут закопают
все совсем как у людей

ВИРТУАЛЬНОСТЬ

однажды
после долгого пребывания
в мире больничной палаты
возвращалась домой
в и р т у а л ь н о с т ь
за окном машины оглушила
дымящие железные машинки
разноцветные фигурки на остановках
ядовитые лозунги рекламы с бумажными лицами
все как на светящемся экране монитора
действительно нельзя оценить вкус борща
когда ты в нем варишься

ЧАСЫ

человек
не смотрящий
на часы
всегда и везде
в о в р е м я

ОЧЕРЕДЬ

смысл
длинной
очереди
бесплатное
донорство
времени

ИТОГИ

итог
любопытности
человека
атомное оружие
итог
любопытства
гениальная инженерия

ПЛАНЕТА

мои волосы
показывают направление ветра
мои глаза
чертят траекторию полета птицы
мои руки
держат в ладонях заходящее солнце
мои ноги
догоняют убегающий горизонт
моя планета
мы с тобой одной крови

ВСЕ РАЗНЫЕ

бывает человек-радуга
всего на минуту из ниоткуда
перекинется семицветный мостик
и растает оставляя восторг и радость
еще бывает человек-дерево
растущий до первого урагана
выворачивающего
его с корнями из земли
но даже потом он согревает теплом огня
больше всего людей-рыб
с короткой памятью
живущих до первого крючка
или до первой ухи

ЗЕРКАЛО

теперь все чаще
вижу в зеркале
взгляд моей мамы
знакомый поворот головы
прощальный взмах рукой
когда смотрю на брата
вижу походку и улыбку отца
иногда случается ловлю мысли
давно ушедших родных и близких

ЗАВТРА

чтобы з а в т р а не наступало так быстро
приглядываюсь и прислушиваюсь
к пролетающим с космической скоростью секундам
как ребенок может долго созерцать божью коровку
так и я смотрю как медленно набухает капля воды на листке
хочу продлить этот последний миг ее падения в бездну

СТРАШНО

странно
зимой без снега
весной без грозы
летом без цветов
осенью без дождей
страшно
без солнца и луны
собаке в квартире
одной целый день
больно
осознавать
что после тебя
ничего не останется

ВЫДОХ

с выдохом ветра
нажал клавишу «DEL»
вышел из себя
и о нем все забыли

Поэт, прозаик. Родился в 1987 году в городе Шилка Читинской области. Окончил юридический факультет Байкальского экономико-правового института. Автор 13 книг стихов, составитель 2 антологий поэзии Забайкалья. Публиковался в ряде российских литературных журналов, альманахов и местных СМИ, в антологии современной лирики «Бесконечный свет» (Москва, 2020). Финалист всероссийского поэтического конкурса «Я знаю, родятся песни...», полуфиналист всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы» (2020, 2021). Член Союза писателей XXI века. Живет и работает в родном городе.

ТИШИНА — ВЕЛИКАЯ МУЗЫКА

* * *

Знойное лето.
Дожди — будто праздники.
Бог нас услышит.

* * *

Цветок оказался
камнем.

* * *

Тишина — великая музыка.
Ее мы не можем расслышать,
поэтому идем в никуда.

* * *

Отдавая — отдавай.
Все равно останешься
должен.

* * *

Не задавай вопросы —
читай классику.

* * *

Гусеницы обернулись
бабочками,
жуки — имаго,
мухи — куколками...
Лишь человек
избежал метаморфоз,
к сожалению или
счастью.

БЕЛОЕ И ЧЕРНОЕ

Белое
отыщет черное,
чтобы убить в нем темное
и превратить его в светлое
или
небесное.

* * *

В лесу
твоих волос
нет для меня
просвета.

* * *

Байкал — зеркало воды
на побережье земли.
Его волны хранят
тайны.

* * *

Твой мрак
не спешит
к моему
рассвету.
Холодает.

* * *

Говорю с рассветами.
Ругаюсь с закатами.
Вспоминаю о тебе.

* * *

«Мы» — отрезок времени.
«Я» всегда постоянно.

* * *

Счастье — это сердца,
бьющиеся в один
такт.

* * *

Ветка — это пружина
для воробья.

* * *

Не кажись умнее,
чем ты есть
на самом деле.
Всегда найдутся
«свои» профессора
и кандидаты.

* * *

Иллюзия — мечта,
которая иногда
сбывается.

Николь Воскресная (Анастасия Николенко) — поэтесса. Родилась в 1990 году. Кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета. Живет во Владивостоке. Член Союза писателей России. Член Союза писателей XXI века. Произведения публиковались в коллективных сборниках, журналах, литературных альманахах «Сихотэ-Алинь» (Владивосток), «Вакуум» (Владивосток), «Российский колокол» (Москва), «Сибирский Парнас» (Новосибирск), «Образ» (Кемерово), «Традиции&Авангард» (Екатеринбург) и др. Книги: «Акварели» (2011, Владивосток), «Гранат» (2014 г., издательство Niding.publ.UnLTd, Владивосток), «Никтофобия» (2016, Саратов), «Дагерротип» (2020, Таганрог), «Бес содержания» (2022, Волгоград). Победитель литературного конкурса «Петроглиф» в номинации «Поэзия» (2022). Победитель Международного поэтического конкурса Фестиваля БОАО (Китай) в номинации «Новый молодой талант года» (2023). Лауреат Первой поэтической премии Константина Кедрова (2024 г.).

ИЗ КНИГИ «ОГНЕОПАСНО»

SUPREMATUS

бессмертие существует
оно резиновый динозавр
оно бензиновая бабочка на асфальте
отравленная книга в зеленом переплете
и все что ливнем смыло в залив
волна — тот яд
универсальный растворитель
посмотришь в зеркало а там не ты
и обо мне нельзя узнать правды
потому что и я ее не помню
мой мозг — заброшенный космодром
и целый автопарк не угнанных идей
накрытые брезентом
голые под небом
на спущенных колесах
на все хватает ржавчины
железных звезд —
заклепок на которых
без опоры висит
ничто

* * *

ерунду привлекает эфир
как прибой — мусор
ты будешь камнем и алтарем
тем кто заманит других в лес
закончится и ведомых
хороших выбросят на свалку
не кружи окружай
поводырь и собака
вожделя отрывать от себя куски
притяжение цвета это также как сухая гроза
ты изгонишь его а он изберет тебя
ночь горящую словно черемуха
смоляную горечь насмешки
белый сахар для черных муравьев
черные пережженные леденцы
родина сегодня черна и пахнет словно смородина
летом кровь горяча
всех ценней беспородная
ведь она переспорит все деревья в лесу
отомстит разговорами за молчание
залпы проливных дождей
и смерти косу
пронесет в поклоне
для венчания

* * *

таблетки разлучили меня даже с воображаемыми друзьями
святая болезнь говорит: скрии скрии
поддайся или умри
верни мне его верни.
рыдающий монстр
верни отвоеванный
остров мой не утонет
утопленники не стонут
не станут искать
любви...
не нужны замки
я думала ты — война
но ты алчность.
агитация
ажиотаж(ция) рождает чудовищ

одичалость
лес съест лесть
с солью
луна льется
вернется
развернется
.....
куплю на конфетки
и лесть...

* * *

осколок упашей звезды
расцарапал стекло
моя ли это дорога?
вернусь ли я по ней
на обступающее со
всех сторон небо?
тебя это огорчает
и ты чувствуешь
как тянет в правом боку
и сквозь брешь
растет черная трава
я твой инквизитор
ты мой реквизит
скелет облаченный в доспехи
наспех сшитый корсет
смерть ходит одна босая
ночами подушки слезами поит
он бабочка он ночная
пустая скорлупа
солнечного яйца

* * *

настроение падает стеной
кирпичной пятиэтажки.
прогулки по городу —
периметру тюремного двора.
татуировок клевета
разглаживая шрамы,
золото... парящее в черной пустоте.
жизнь как поцелуй
пока дыхание не закончится.
я прямая перспектива,
ты обратная,
камера гаснет, дергается,
наезжает,
кадр портится.

Прозаик, публицист, кандидат философских наук. Автор романов «Письмо с этого света», «Транзишн», повести «Нано», сборников рассказов и очерков. Победитель Международного литературного конкурса «ЭтноПеро», лауреат Международной премии «Литературный Олимп» МГО СПР, лауреат и член жюри Литературной премии «ДИАС», член жюри Общенациональной литературной премии «Неформат». Дипломант литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» и ММЛК «Веское слово». Лауреат журнала «Зинзивер» и газеты «Литературные известия». Публиковалась также в журналах «Времена», «Нева», «Знамя», «Причал», «Гостиная», «Дети Ра», «Наука и религия», «Российский колокол», «Литературный Иерусалим», газетах «НГ-Exlibris», «Литературная газета», «Литературная Россия» и др. Член Союза писателей России, Союза журналистов Москвы, Президиума Союза писателей XXI века, Международного союза писателей Иерусалима.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

БАНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

(Пародия на современную поэзию)

Мы, как те мушкетеры, встретимся
Десять молчаливых лет спустя.
— Привет, как дела?
— Не верится,
Что так долго живу без тебя.
А ты мне все так же снишься,
Мой милый, жестокий мальчишка,
Что целовал меня не любя,
А только лишь ради забавы.
Конечно, все те были правы,
Кто, фразы надменно дробя,
Твердил мне, что ни один парень
Не стоит столь долгих переживаний.
Но кладезь опыта и нажитых знаний
Не помог мне забыть о тебе
В бесконечной рутине и суете,
В которой мы все пребываем,
Сознательно болт забывая
На все сущности бытия.
Да я забыть уж и не пытаюсь,
Просто живу,
 стараюсь,
 радуюсь,
Что ты любим — нисколько не сомневаюсь.
Но никто не сможет, как я.

Прости, что раньше тебе не сказала.
Все как-то смелости мне не хватало,
Да и повода не было подходящего.
Все ждала увидеть тебя настоящего,
А не эту железную маску с кривой усмешкой,
С которой ты раз за разом рушил мои надежды.
А потом, разве что по-Маяковски не муча перчатки замш,
Ты приехал сказать, что другую взял замуж.
И что тебе без меня хорошо.
Встал, попрощался, ушел,
Вместо боли пустоту оставил.
А я, в силу установленных правил,
Нашла себе мужчину, работу,
С друзьями тусила, под пиво травя анекдоты,
Выслушивая, кто кого тра.ал и у кого какой член,
Будто это и вправду может быть интересно.
Знаешь, людям без пошлости как-то пресно...
Ну а мне-то жить без тебя — зачем?

Вот и встретились. Снова целуешь в губы.
Властно, настойчиво, даже грубо,
Как будто и не было этих десяти лет.
Будто имеешь на меня какое-то право.
Право... мне так твоей грубости не доставало...
Но открою глаза — тебя рядом нет.
Ночь.

Подушка в объятьях.
И смятое одеяло.

РЕКВИЕМ

Когда-нибудь не будет и меня
Под этим небом, сыростью дышащим,
А будущее, тайною маня,
Останется все так же настоящим.

Продолжатся безрадостные дни,
На день сурка, как водится, похожи,
И будут желтые вечерние огни
Смотреть на тени сумрачных прохожих.

Толпа продолжит муравьиный бег
Дистанцией от люльки и до тризны,
В ней мелок и ничтожен человек,
Здесь места нет неповторимой жизни.

Здесь всех и каждого способны заменить
В тот самый миг, как вырыта могила,
И так привыкли мертвых хоронить,
Что память зачерствела и остыла.

И, улета в мерзлой сизой мгле,
С тоскою отстающих окликаю,
Едва ли мы оставим на земле
Тех, кто вослед помашет птичьей стаей.

Однажды среди толпы исчезну я.
Лишь ворох строк в нечитаном романе
Запечатлеет для небытия
Мой бледный образ, сгинувший в тумане...

МОНОЛОГ

Так холодно никто не предавал,
Как тот, пред кем с мольбою замирала.
Но боль в груди носить душа устала,
Страданье возводить на пьедестал.

Сегодня мне и пусто, и светло,
Незванный гость мой больше не придет,
Но солью по щеке слеза отметит
Свой след, лишь только вспомнила его.

Быть может, промелькнет немало лет,
Забудутся обиды и упреки —
У памяти людской предельны сроки,
Но света той любви печальней нет.

Любовь другого — что? Ей грош цена!
Чужого чувства мы не ощущаем,
Пока, любовью заразившись, не познаем,
Как дорого обходится она.

Ты на прощанье бросил: «Не жалею!» —
Пустому сердцу нечего терять.
Надеюсь, выгодно сумеешь разыграть
Сценарий, где не стала я твоею.

Богат, женат и счастлив? В добрый путь!
Тебе успех в дороге не изменит,
И все ж тепло привычки не заменит
Огня свечи, что ты пытаешься задуть.

Супруга — образцовая жена,
Не то, что я — нелепости образчик.
Борщ на плите, размолвки — в долгий ящик,
Детей послушных вырастит она.

Ты будешь жить в комфорте, в полусне,
В достатке дом твой будет полной чашей.
Но никогда тот дом не будет нашим,
О чем тайком мечтали в тишине.

Ты выбрал свой удел и в этом прав.
Заочный спор наш время лишь рассудит,
Но ждет в своем раю Садовник Судеб
Тех, кто придет, любовью смерть поправ.

Твой разум никогда не ведал тьмы,
Но голос его душу не излечит,
Когда последнее мгновенье вдруг прошепчет
Несбывшееся сладостное «мы».

Поэт, прозаик, публицист, издатель, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Зинзивер», «Дети Ра», координатор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева», «Сура». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

МОНОЛОГ ОДНОГО МОЕГО ЗНАКОМОГО ПОЭТА

Закрыл мне двери «Новый мир»,
Не дал заслуженную славу.
И в резиденциях АСПИР
Я не гулял на халяву.

Запанибратски по плечу
Я вряд ли хлопну Шаргунова.
И премию не получу —
Большую, денежную — «Слово».

Я вряд ли буду знаменит.
И вряд ли грешного, хмельного,
Меня Мединский пригласит
На съезд атлантов в Дом Пашкова.

В житейской вечной кутерьме
Меня забыли как поэта.
...Но я хотя бы не в тюрьме.
Скажу спасибо и за это.

2025

ИСПОВЕДЬ СТАРОГО ГРАФОМАНА

Старею, приобрел мигрень я,
Но все ж строчу стихи в тетрадь.
Не стало меньше вдохновенья,
Но рукопись нельзя продать.

Нет денег. Лежа на диване,
Строчу свою галиматью.
Но я мечтаю на ЦИАНе
Приобрести шалаш в Раю.

Вот там все будет так, как надо —
Уйдут болезни, бедность, страх...
Ну, а пока одна отрада —
Творить, витая в облаках.

2025

Прозаик, поэт. Родился в 1976 году в Москве. Окончил Государственный университет управления (1998) и Высшую школу Европейских культур (2002). С 2004 по 2018 год жил и работал в городе Регенсбург в Германии. С 2019 года проживает в Москве. Пишет в жанре «миниатюра, афористика». Член Московского союза литераторов и Московского клуба афористики. Автор трех книг афоризмов. Лауреат многих литературных конкурсов.

АФОРИЗМЫ

ПРО ШАХМАТЫ

* * *

И в шахматах есть место случаю, и в жизни бывает все по нотам.

* * *

Если ты на коне, конь может оказаться шахматным.

* * *

Ты никогда не узнаешь, что вкуснее — карты или шахматы, потому что желудок откажется их переварить.

* * *

Не стоит играть в карты на шахматной доске.

* * *

В рукаве должен быть туз, даже если ты играешь в шахматы.

* * *

Поле человека — это одновременно и шахматная доска, и клетка в бесконечности.

* * *

Король не снимает корону, даже, когда шахматными фигурами играют в шашки.

* * *

Жизнь — это игра в шахматы на поле, где нет клеток.

* * *

Нельзя одновременно играть и в шашки, и в шахматы на одной доске.

Поэт, прозаик. Родилась в 1960 году в г. Барнауле Алтайского края. Окончила Московский государственный историко-архивный институт. Печаталась в журналах «Юность», «Дети Ра», «Эолова арфа», газетах «НГ Ex libris», «Московский комсомолец», альманахах «День поэзии, 2010», «45-я параллель» и многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Живет в Москве.

ОЧАКОВСКИЙ ПРУД

(Летние сюжеты)

«ОТ СКАМЕЙКИ К СКАМЕЙКЕ»

Гуляла сегодня по берегу своего озера — Большого Очаковского пруда. Там дорожки и лавочки. Мне идти тяжело с больной ногой и почти на каждой скамейке присаживалась и отдыхала. А по этим дорожкам много кто гуляет, с собаками, с колясками с детьми, да и так.

И вот сижу я на лавочке, отдыхаю, идет мужик с большой черной собакой. Подходит ко мне и спрашивает: «С Вами все в порядке? Все хорошо?» Я говорю: «Да так, нормально, вроде... Отдыхаю вот...» «А то я вижу, Вы от скамейки к скамейке ходите...», — сказал мужик и пошел дальше. Я несколько изумилась. «От скамейки к скамейке!», — надо же такое сказать! За кого он меня принимает? За больную, неходячую? Вот еще! Да, нога побаливает, но не до такой степени, чтобы уж прям совсем! Нормально хожу, просто чуть больше устаю, чем другие. Поэтому присаживаюсь, отдыхаю. Ну и что? Всякое бывает. С каждым может такое случиться. Но самое главное, как он это отследил? Скамейки находятся на значительном расстоянии друг от друга, прикрыты кустами и от одной другую почти не видно. И вот как? Получается он за мной как-то следил и отслеживал? Однако!

«ПУСТЬ СЕБЕ ПЛЫВУТ!..»

Еще один сюжет. Искупалась в озере, вышла на берег. А в озеро в то же время зашли две женщины в возрасте, ЗОЖницы, наверное. Зашли в воду, поплыли потихоньку.

Тут одна другой говорит: «Подожди, вон утки к тебе плывут, целая стая. Подожди, пусть проплывут». Другая говорит: «А что мне утки? Пусть себе плывут. Что мне утки?»

Я засмеялась про себя. Смелая баба, что мне утки, говорит. Не парится в плане уток. Ну, та, другая, не просто так это сказала. Утки в озере достаточно опасны, от них можно подхватить всякие болезни, в том числе и кожные. Поэтому и предостерегала эта баба свою подругу, чтобы близко к ним не подплывала. Ну а та, похоже, пофигистка. И на фиг ее послала с ее заботой вместе с утками.

НА РЫБАЛКУ — НА КОСТЫЛЯХ

Еще один сюжет. Тоже гуляю по берегу озера. Пошла на ту сторону, где высокий, нецивилизованный берег. Там ивы растут, осины, берег заросший, а на берегу со всех сторон сидят рыбаки, рыбу ловят. Я присела на старый пенек высоко над озером, сижу смотрю. Вдруг мимо меня проходит по дорожке мужик. Все б ничего, но он был на костылях. С одной ногой что-то там не то.

И вот идет он по этой дорожке, а она очень узкая, грунтовая. А дальше становится еще уже, круче и чуть ли не обрывается в озеро. Думаю, куда же он пошел, что за прогулка такая, на костылях, да еще в таком месте? Ладно бы, около дома вышел посидеть на солнышке. А то вон куда полез, в такое стремное место...

Я отвлеклась, мужик куда-то пропал. Потом я пошла по дорожке дальше, кинула взгляд на озеро и заметила там этого мужика на костылях с группой других мужиков-рыбаков. Они увлеченно что-то обсуждали. Так это он на рыбалку шел на костылях? Пообщаться с друзьями? Вот уж воистину страсти людские-рыбацкие! Не мог подождать, пока заживет нога, пришел на озеро на костылях. Ну и дела!

«УТИ-УТИ-УТИ!»

Сижу на скамейке недалеко от берега озера, отдыхаю. Идет одна женщина по берегу и кричит: «Ути, ути, ути! Идите сюда, хорошие мои, я вас покормлю! Ути, ути, ути!»

Женщина скрылась вдали с кормом для уток. Я сидела, несколько изумленная. «Ути, ути, ути!» Надо же! Если б еще домашние были утки, понятно. Но диких вот так звать и думать, что они тебя услышат, да еще и поймут, как-то странновато. Она что себя утиной матушкой возомнила, что ли? Однако!

БОЛЬШАЯ ПАЛАТКА И РАДИОУДОЧКИ

Еще один забавный случай был. Иду, гуляю вдоль берега озера, прошлась по нашей стороне, заворачиваю на ту сторону, бросаю взгляд на берег озера и вдруг вижу там огромную палатку. Просто огромную. Раза в 3 больше обычной маленькой рыбацкой палатки. Я обалдела и даже начала хохотать, так смешно выглядела эта палатка и неожиданно. Я дошла до той стороны и решила подойти поближе, посмотреть, что это такое. Вблизи оказалось уже 2 палатки. Ну, там было как минимум трое мужиков, которые, по всей видимости, в этой палатке и ночевали. Один сидел с удочками. Что меня еще удивило, так это то, что и к палаткам, и к удочкам были прикреплены высокие тонкие черные антенны. То есть эти удочки, похоже, как-то дистанционно управлялись. Когда там клевать начнет, чтобы сообщение приходило, сильно ли уже клюет или слегка поклевывает только, и прочее. Я подивилась таким новшествам. Мужики были очень продвинутые. А может, они ловили рыбу

на радиосигнал. Как-то так. Но я никогда раньше такого не видела. Это было нечто. Даже в рыбалку технологии добрались.

P.S. Эти мужики в палатках прожили на озере 3 дня. Я видела их вечером с балкона, эти палатки. Но даже это мне было непонятно. Наш пруд находится в черте города, недалеко от кольцевой, от МКАДа. Ну я понимаю пожить в палатках где-нибудь в области, в лесу, на лесном озере. Там рыбу ловить, отдыхать от городской суеты на лоне природы, от людей. Но здесь-то какой смысл? Это же город. Да, пруд, но городской. Народу здесь ходит полно вокруг озера по всяким своим надобностям, какой тут отдых? А тогда чего? Даже не могу найти ответа. Это загадка для меня, равно как и их радиоудочки.

ЧТО ОНИ ТУТ ЛОВЯТ?

Решила спуститься к одному мужику на берег и поспрашивать, что же они тут ловят. Ну, ни к тем продвинутым мужикам, а просто к обычному, который стоял одиноко дальше. Он сказал, что ловят здесь карпа. Я удивилась, никогда бы не подумала, что здесь карп может быть. Плотву ловят, щуку, окуней. Вода, говорит, чистая проточная, и раки здесь водятся. Я говорю, а сколько ж Вы налавливаете в день? Говорит, кг 2. А в рыбах это сколько? Штук 20, говорит. Вот такие дела.

СПОРТИВНАЯ СОБАЧКА

Сижу утром на прогулке на лавочке. Вдалеке по дорожке бежит мужик, в спортивном одеянии, явно на утренней пробежке. Следом за ним бежит маленькая собачка, в темно-розовом костюмчике, тоже спортивный костюмчик. Бежит, не отстает и очень дисциплинированно бежит. Хозяин на пробежке, и собачка не отстает. Так, похоже, приучил.

С СОБАЧКОЙ ПОД МЫШКОЙ

А вот другой мужчина бегал с собачкой под мышкой. Он тоже нарезал круги, 10 тысяч шагов, как говорится, но собачку, наверное, жалел, и сомневался, что она будет поспевать за ним, поэтому решил носить ее с собой. Да под мышкой, правда, придерживая ее еще и рукой. Собачка была маленькая, но толстая, и, конечно, вряд ли за ним поспела бы. Но и от такого бега ей было не очень хорошо, ведь ее сильно трясло. Она закатывала при беге глаза и казалась бездыханной. Но хозяин не унимался и бегал с ней туда-сюда. Эта собачка казалась более беспомощной, чем та, которая бежала следом. Может, ей лучше было бы именно бежать, а не так вот?

РЫЖИЕ БЕСТИИ

Очень часто мне на утренней прогулке стали попадаться, так сказать, рыжие бестии. Это две девушки с ярко-рыжими длинными волосами, убранными в высокий хвост. Они занимаются утренней пробежкой и вот так вот в такт утром бегают. В спортивных костюмчиках, с хвостами, с рыжими волосами. Смотрится зрелищно, эффектно. Иногда с ними бегают и третья девушка, правда, уже не с рыжими, а с русыми волосами.

«А СЕГОДНЯ ВОДА 26 ГРАДУСОВ!»

Купаюсь в озере после загорания. Плаваю недалеко от берега. С середины озера приплывает мужик и довольно так говорит, обращаясь ко мне: «Сегодня вода очень теплая, 26 градусов. Вот!» и достает из... (хотела сказать, «широких штанин», но какие штаны при купании в озере?), короче, откуда-то достает водный градусник и демонстрирует его мне. Однако! Так и плавал, что ли, с градусником в плавках? Он стал вылезать на берег, я смотрела ему вслед. Оказывается, на нем были надеты специальные шорты с карманами, так что было куда положить градусник.

СТАРИЧОК-ХОДОВИЧОК

Еще одного старичка заметила на прогулках. Был он маленький, худенький и не бегал он, а ходил. Но ходил очень быстро. И целеустремленно, сосредоточенно, ни на что не отвлекаясь. В зависимости от погоды он был одет либо в майку и шорты, либо в штаны и футболку, либо вообще в легкую флисовую курточку. С собой он всегда носил какой-то пакет. Не скажу, чтобы он был совсем пустой, телефон там, ключи или кошелек. Нет, в нем что-то увесистое лежало. Не менее трех килограммов, наверное. Иногда пакет заменялся рюкзаком, а рюкзак уже основательно чем-то был нагружен. И все это выглядело более чем странно. Мне непонятен был смысл ношения этих тяжелых пакетов и рюкзака, зачем брать с собой такое на прогулку? Это же лишняя и весьма существенная нагрузка. Если даже нужно взять телефон или ключи, то вполне спокойно можно было положить их в какой-нибудь карман. Зачем носить такое? Смысл был, наверное, только в том, чтобы именно увеличить нагрузку для тренировки. Что вот он не просто ходит, но ходит еще и с тяжестями. Так что в случае чего может еще чего-нибудь нести. Мы ведь, действительно, с пустыми руками не ходим, а обязательно что-то несем в руках: сумку ли, пакеты, еще чего-то. Наверное, он с таким умыслом носил это все. Это если рассуждать рационально. Но кто знает, на чем люди могут свихнуться в старости? Может, это какой-то его бзик? Вообще, он выглядел жалко и странно со своими стараниями вести здоровый образ жизни. Такая быстрая ходьба в его возрасте, а ему было, наверное, лет за 70, была не только не полезна, но и даже опасна. В таком возрасте показаны только легкие расслабленные прогулки, а не так вот. А вот так вот ходить, ничего не замечая вокруг, фанатично ходить, это я даже не знаю, как назвать. Это ненормально уже. Кто его надоумил на такое, даже не знаю. Может, сам дошел, но явно уже не от здорового ума. Этим уже здоровье не выходишь. Тут нужен комплексный подход, а не такое вот. Такая ненормальная ходьба может привести со временем либо к инфаркту, либо к инсульту, либо к травмам. Старичок явно был не в себе и нуждался уже в помощи психиатра.

ЖЕНЩИНА-ХОДОК

Еще заметила на прогулках женщину, которая вот также ходила, как тот старичок-ходовичок. Она ходила быстро-быстро, сильно размахивая руками, в одной из них у нее был смартфон. Ничего она с собой больше не носила, правда, что-то было надето на руку. Она тоже была одета в спортивные штаны и в майку. Волосы у нее были длинные, она убирала их в хвост. Еще носила на голове то ли козырек, то ли кепку. Она выглядела довольно молодо издала и была похожа на девушку. Только вблизи я разглядела, что

волосы у нее совершенно седые и на девушку она явно не тянула. И вот в этом была странность: зачем отращивать седые волосы? Это же смешно и некрасиво. Лучше иметь в таком случае короткую стрижку, тогда меньше будет вопросов. Эта женщина-девушка выглядела, конечно же, не на 70 лет, а лет на 50, и лицо у нее было вполне осмысленное. Она не от отчаяния тут ходила, как тот старичок, а вполне себе целеустремленно. Она либо фитнесом занималась, 10 тысяч шагов накручивала, либо сама была фитнес-тренером, либо бывшей спортсменкой, и ходила, чтобы не терять форму, по привычке. И в таком возрасте она еще могла себе позволить так быстро ходить. Но все равно такая быстрая ходьба и для нее была уже чрезмерной. Ее старания выглядели тоже чрезмерными. Вот такое можно позволить себе в 20, ну в 30 лет, но продолжать делать то же самое уже в 50 — это перебор. Надо как-то корректировать свои планы и цели, сверять их с возрастом. А то ведь никакие тренировки не помогут, однажды организм неожиданно-негаданно даст сбой — и все, и отходилась. Вот такие дела.

2024

Поэт, прозаик, литературный критик. Родился в 1999 году в Калининградской области. Окончил факультет управления экономики и права РАНХиГС. Студент Литературного института имени А.М. Горького. Печатался в сборнике поэзии и прозы литераторов Калининградской области «Голоса города», в альманахе «Литерра Балтика», журналах «Дети Ра», «Зарубежные записки», в газете «Литературные известия». Лауреат международного литературного конкурса «ЛиТерра БалтиКа». Живет в Москве.

ДВЕ СКАЗКИ

ЦВЕТОК

Однажды в месте, где прежде ничего кроме травы и сорняков не выросло, появился прекрасный цветок.

Местные жители, а ими были жабы, полевые мыши и другие живые существа, были очень удивлены этим событием. А оно и понятно, никогда они не видели ничего подобного! И не то чтобы прекрасный цветок им нравился, но, отличаясь от других растений, он привлекал к себе особое внимание.

— Откуда он здесь взялся? — спрашивали одни.

— У его появления должна быть причина, никогда в этих местах не выросло ничего подобного. Нужно в этом разобраться, — говорили другие.

И они стали разбираться.

— Спросим у земляных червей, — квакнула жаба, — уж они-то специалисты в этом вопросе, ведь они постоянно копаются в грязи — именно там, откуда растут корни у всех растений. Секрет появления необычного цветка зарыт именно там!

И отправили на поиски червей.

Но сколько земляные черви ни копошились, ничего особенного под цветком они так и не нашли, и это сильно расстроило жабу.

А потому она решила придумать то, чего не было — и придумала она, что земля под цветком все же особенная, жаба даже пообещала наक्вакать целую книгу об этом. Но кто бы стал ее читать, кроме таких же жаб?

— Пи-пи-пи, — пропищала полевая мышь, — и зачем тут вырос этот цветок, лучше бы выросла пшеница.

Можно было понять бедную мышку, ведь никакая пшеница в этом диком месте никогда не росла, а потому мышке приходилось воровать ее на другом поле. Довольно опасное дело!

Что нужно мышам кроме еды? Уж точно не цветы.

Мышиный писк, кваканье жаб и копошение червей под самыми корнями, конечно же, приводили цветок в некоторое беспокойство, но не сильно его отвлекали.

Большую часть времени цветок молчал, хотя на самом деле он говорил, только вот местные жители не понимали его языка, ведь язык цветов — это их тонкий аромат. А его не то что понять — уловить и то не каждый сможет.

Во всяком случае, цветок говорил не с местными жителями; лепестками он тянулся к золотому солнцу, что питало его своим бесконечным светом, и общался с добрым ветром, что разносил его аромат по всей округе. Разговор этот был для цветка дороже всего на свете.

Однажды на соседнюю травинку приземлилась муха. У нее была очень грязная работа, а потому она часто чистила свои лапки. Этим она и занялась.

Муха была такой незаметной, что цветок и не увидел ее. Но зато она сама сразу же заприметила цветок.

— Как он красив! — подумала мушка, — жаль, я не смогу остаться тут надолго, ведь у меня еще столько работы!

Хоть муха и не умела плакать, но на всякий случай она все же протерла чистыми лапками свои огромные глаза и тут же улетела.

Она не чувствовала никакого аромата, ведь любила только глазами.

Но кое-кто из местных жителей этот цветочный аромат все же уловил. Этим жителем оказалась пчела. Прожужжав что-то про себя, она уселась на один из розовых лепестков цветка.

Цветок удивился, неужели кто-то из местных существ понял его язык?

Пчела, в отличие от многих других, была большой любительницей цветов и прекрасно в них разбиралась. Но, как оказалось, все что ей было нужно — это немного нектара и цветочной пыльцы, ведь из них получается вкусный мед.

— Пусть забирает, — подумал цветок, так от меня будет польза. Хоть кого-то из этих бедных существ я утешу!

Разговора не получилось; пчела улетела, а цветок остался.

Но цветок не переживал об этом, ведь он был влюблен, и влюблен в то, что было намного выше, чем он сам, выше, чем самые высокие деревья с их многочисленными жильцами.

Его любовь к солнцу и к ветру была такой же безграничной, как и его тончайший аромат, что разливался по широким просторам близлежащих полей и с легкостью поднимался в самые заоблачные голубые выси!

2022

СЛЕД В ИСТОРИИ

В одном маленьком городе, в небольшой квартирке, жила одинокая пожилая женщина. Многие считали ее очень загадочной и даже странной, а ведь странностей ей действительно было не занимать.

Любила она старые книги, картины и другие произведения искусства. Почитывая дряхлые добротные книги, женщина редко могла удержаться от похвалы в сторону их давно почивших авторов.

Живым же везло гораздо меньше; редко случалось простому человеку услышать от нее доброе слово. Казалось, что из всех ныне живущих она любила лишь своего большого рыжего кота. Зато как любила! Можно сказать, вся ее жизнь была посвящена ему — кот был окружен вниманием и заботой. Он ел самую жирную сметану и пил самое свежее молоко, а остальное время спал на коленях у щедрой хозяйки.

Много лет в соседней квартире жил старый художник, но вот пришло время ему умирать, и, как полагается любому настоящему художнику, умирал он в неизвестности и нищете. Но перед смертью подарил он своей соседке, той самой одинокой женщине, свою лучшую картину.

«Пусть хоть кто-то будет смотреть на мое творение, и, может быть, как и я радоваться его красоте» — так думал художник, когда дарил картину. Ведь другим людям ни он, ни его пейзажи были вовсе не нужны.

В эту работу он вложил всю свою душу, и вышла она на славу.

Женщина с благодарностью приняла дар, ведь кое-что в картинах она понимала, хоть и не была с художником слишком дружелюбной.

Через пару месяцев после смерти старика, по случайности или по чьему-то умыслу, его картины обратили на себя внимание всего света. Все говорили о них как о новом открытии, кто-то даже предложил установить памятник старому художнику.

Можно было позавидовать соседке художника! Какое богатство она обрела, получив в дар ту самую лучшую работу! Но женщина была слишком странной, чтобы просто продать ее. Вместо этого она повесила картину на самом видном месте и, каждый раз проходя мимо, останавливалась на минутку, чтобы снова разглядеть ее.

И только кот не замечал шедевра, что весьма сильно расстраивало его хозяйку. Вот так странное дело!

Как бы женщина ни старалась привлечь кота, чтобы и он обратил внимание на картину и порадовался вместе с нею, но все было напрасно! Не помогла даже поставленная рядом миска с молоком. Нет, вы не подумайте, миска успешно опустошалась, а вот сама картина оставалась незамеченной.

Можно было понять хозяйку, ведь у нее не бывало гостей, а картина излучала такую красоту, что казалось невыносимым смотреть на нее и не поделиться этой красотой с кем-нибудь еще! Хоть с какой-то живой душой!

В конце концов женщина не выдержала: схватила кота двумя руками так, что его задние лапы свободно свисали, и поднесла его к картине.

Кот оторопел от ужаса; от страха у него даже зажурчало в животе. Еще бы, никогда его так не хватали!

— Котик, ну взгляни же на нее, — умоляюще произнесла женщина. — Неужели ты ничего не видишь?

Но кот ничего не видел.

Хозяйка поднесла своего питомца еще ближе. Кот заерзал, задержался и... Крррррр!
Резким движением правой передней лапы прошелся по полотну!

Теперь на треть холста простирался след от острых когтей!

— О, какой ужас! — завопила хозяйка.

Картина была испорчена!

Но кот даже не понял, что он натворил.

Женщина так разозлилась, что чуть не швырнула его. Как же ей было досадно!

— Ступай прочь, кот! — крикнула она.

Освободившись, пухлый кот побежал лакать молоко. Ему нужно было срочно прийти в себя после пережитого.

Поцарапанная картина так и осталась висеть на стене; через сотню лет она окажется в самом большом музее страны, а кошачий след будет ее величайшей особенностью, и стоять она будет в тысячи раз дороже, чем теперь.

Но это уже совсем другая сказка.

2021

«МНОГО ПРАВДЫ ГОРЬКОЙ И ПРОСТОЙ...»

(очерк жизни и творчества Н. А. Некрасова)

*Что ж я не вижу следов обновления
В бедной отчизне моей?*

*Те же напевы, тоску наводящие,
С детства знакомые нам,
И о терпении новом молящие
Те же попы по церквам.*

*В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедность, невежество, мрак.
Где же ты, тайна довольства народного?
Ворон в ответ мне прокаркал: «дурак!»*

**(«Время-то есть, да писать
нет возможности...» (1876)**

*«...Потому что наша брань не против крови и плоти, но против
начальств, против властей, против мироправителей тьмы
века сего, против духов злобы поднебесных»*

(Еф. 6:10–12).

ЧАСТЬ 1

Великий русский поэт **Николай Алексеевич Некрасов** (1821–1878) оставил нам замечательное художественное наследие, имеющее не только литературную ценность, но и поразительную историческую достоверность. Некрасовское лиро-эпическое творчество при всем его эстетическом своеобразии носит характер уникального документа. Это потрясающая правда о судьбе многострадальной русской земли, о жизни русского народа-страстотерпца:

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролись с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.

Грабили нас грамотей-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Все претерпели мы, Божии ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Все ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..

(«Железная дорога» (1864))¹

Забывать это нельзя, невозможно. В том числе для того, чтобы не считать тот самодержавно-бюрократический строй, ту буржуазно-капиталистическую эпоху, антинародную сущность которой во всем ее безбожном безобразии раскрыл поэт, идеалом общественного устройства, как пытаются преподносить ее сегодня с самых высоких политических трибун.

Поделюсь своими личными впечатлениями о преподавании курса истории литературы в средней школе и в вузе на протяжении последних четырех десятилетий и о восприятии молодыми людьми разных поколений творчества Некрасова. Оно, по моим наблюдениям, никогда не вызывало ни восторга, ни особого интереса у старшеклассников и студентов. Их отношение к некрасовской поэзии было более чем сдержанным. И вот почему.

Молодым людям советского времени, которым внушалось: *«Не надо печалиться, вся жизнь впереди — надейся и жди»*, — эмоционально нелегко было читать стихи о вековых муках и страданиях, беспросветной нужде и лишениях простого народа, об истерзанной русской земле: *«И на родимую землю мою / Все накупевшие слезы пролью...»* («Саша» (1855) — 4, 10). Советскому человеку представлялось, что все это безысходное народное горе в нашей стране навсегда ушло в прошлое. Казалось также, что это вовсе не подходящие мотивы для высокого искусства поэзии. Вместо чарующей музыки лирических излияний наподобие фетовских: *«Шепот, робкое дыханье, трели соловья...»* — стихи Некрасова наполнены иными звуками, режущими сердце и слух нестерпимой дисгармонией. Это *«звуки барабанов, цепей, топора»* (2, 152), скрипов, визгов, рыданий и стонов:

Но напрасно мужик огрызается.
Кляча еле идет — упирается;
Скрипом, визгом окрестность полна.
Словно до сердца поезд печальный
Через белый покров погребальный
Режет землю — и стонет она,
Стонет белое снежное море...
Тяжело ты — крестьянское горе!
(«Балет» (1866) — 2, 240)

По верному отзыву современного Некрасову литературного критика М. А. Антоновича, поэт «не увлекал читателя картинностью, яркостью красок и фантастическим очаровательным блеском, а скорее убеждал его трезвою, простою правдою»². Сам Некрасов говорил, что в этом «*много Правды горькой и простой...*» (2, 225). Он осознавал нетрадиционную «непоэтичность» своих стихов: «*Нет в тебе поэзии свободной / Мой суровый, неуклюжий стих...*» (1, 162). Предвидя упреки в «прозаичности» основного объекта изображения в его лирике, Некрасов обращается не только к современному ему поколению, но и словно бы к молодым людям будущего, сознавая, что им также не придется жить в процветающем мире:

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна,
Не верьте, юноши! Не стареет она.
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвел бы Божий мир!..
(«Элегия» (1874) — 3, 151)

И все же некрасовские стихи ни в коем случае нельзя назвать «неуклюжими». Современник поэта, литературный критик-почвенник Аполлон Григорьев, восторгаясь высоким лиризмом стихотворений Некрасова, обращался к нему: «Поэт! Поэт! Что же Вы морочите-то нас и "неуклюжим" стихом, и "догоранием любви?" Глубокая любовь к почве звучит в произведениях Некрасова, и поэт сам искренно сознает эту любовь»³.

Некрасовское творчество — это настоящая лирика, задушевная, чуткая, наполненная свежими, неожиданными образами. Истинные шедевры, изумительные жемчужины русского поэтического искусства — многие стихотворения и поэмы Некрасова, в том числе любимые с детства, узнаваемые: «Дедушка Мазай и зайцы», «Генерал Топтыгин», «Крестьянские дети» (отрывок «Мужичок с ноготок»), «Школьник», «Накануне Светлого праздника», «Забытая деревня» с ее рефреном «*Вот приедет барин...*»; ставшие народными песнями «Коробейники» («*Ой, полна, полна коробушка...*»), «Тройка» («*Что ты жадно глядишь на дорогу...*»); «Мороз, Красный нос» с гимном русской женщине «*Есть женщины в русских селеньях...*»; «Влас», у которого «*Сила вся души великая / В дело Божие ушла...*», и другие.

Народные ходатаи за правду, с их общим на всех крестом тяжких страданий, в хрестоматийном стихотворении «Размышления у парадного подъезда» (1858) глубоко в подтексте лирической образности уподоблены распятому Христу («*крест*» и «*кровь*»):

Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах.
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых. (2, 47)

Но у власть имущих — тех, к кому идут на поклон в поисках справедливости странники, — *«на шее нет креста»*:

В груди у них нет душеньки,
В глазах у них нет совести,
На шее — нет креста!
(«Кому на Руси жить хорошо» (1878) — 5, 156)

Крестьянских ходоков с их неизбывным горем, с извечными нерешенными проблемами не допустили к высокопоставленной персоне даже на порог (в наше время простым людям также сложно добиться аудиенции у первых лиц хотя бы муниципального уровня, не говоря уже о региональном и тем более — федеральном):

И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его Бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами... (2, 48)

Человеком «с народным сердцем»⁴ справедливо называл Некрасова критик Аполлон Григорьев. В многоголосом хоре народных стонов:

За заставой, в харчевне убогой
Все пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!

Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал? (2, 49) —

громко звучит стон сердца самого поэта:

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.
(«Надрывается сердце от муки...» (1863) — 2, 152)

Стенания и стоны захлестнули всю русскую землю. Всеобщий стон измученного народа в финале «Размышлений у парадного подъезда» усилен многократным строфическим повтором. Анафора «Стонет он...» в предельном эмоционально-смысловом выражении передает великую скорбь всей народной России: «великою скорбью народной / Переполнилась наша земля», — а не только частное горе каждого без исключения простого человека:

Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овинном, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;

Стонет в собственном бедном домишке,
Свету Божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат. (2, 49)

К «властителям и судиям» обращает поэт свой праведный гнев, когда рисует образ одного из «вершителей» судеб страны, обрекающего народ на страдания:

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает. (2, 48)

В своих тягостных «Размышлениях...» о будущем народа Некрасов не был оптимистичен:

Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Все, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?.. (2, 49)

В социалистическую эпоху с ее чаяниями скорого светлого будущего, которое будто бы вот-вот должно наступить, нужно только еще больше усилий, ударного труда, побольше энтузиазма в строительстве коммунизма, — в эту эпоху тема беспросветных народных страданий отходила на второй план. Обществу дали надежду, поманили призрачным коммунистическим идеалом (сами основатели учения Маркс и Энгельс говорили именно о призраке: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма»). Ради этого призрака люди

в СССР готовы были выносить все тот же тяжкий рабский труд на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, на «стройках века». И не просто самоотверженно, с полной самоотдачей, а именно радостно, окрыленно, все с той же *«мечтой-идеей»*. Да и стихи, песни были под стать:

Я там, где ребята толковые,
Я там, где плакаты «Вперед»,
Где песни рабочие новые
Страна трудовая поет.

Через несколько десятков лет все героические трудовые достижения советских людей были практически уничтожены... Заводы, фабрики в городах, сельскохозяйственные предприятия, животноводческие фермы, машинно-тракторные станции в селах были закрыты, разрушены. Русские деревни с их некогда кипучей, деятельной жизнью обезлюдели, вымерли... Результатами невероятных усилий трудового народа воспользовалась кучка новых «хозяев жизни», безбожников.

Когда весь Советский Союз распевал: *«Веселей, ребята, выпало нам / Строить путь железный, а короче — БАМ»*, никто не вспоминал некрасовские строки:

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что Господь ни пошлет!

Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе. (2, 170)

Предсказание о русском трудовом народушке, о недостижимой для него *«прекрасной поре»* сохраняет свою актуальность до сего времени. В стихотворении *«Железная дорога»* поэт обращался к маленькому мальчику Ване и говорил, что даже ему не суждено будет увидеть чаемого светлого будущего. Вслед за Некрасовым спустя двести лет мы все так же можем повторить нашим детям и внукам: *«Жаль только — жить в эту пору прекрасную / Уж не придется — ни мне, ни тебе»*.

Современники поэта воспринимали его произведения как манифест революционной демократии, призыв к национально-освободительной борьбе. Некоторым читателям прежде и сейчас (хотя многие ли теперь читают Некрасова?) его стихи казались излишне назидательными, тенденциозными. Однако элемент дидактизма в лирике вызван ничем иным, как всепоглощающей любовью Некрасова к народу. В сложном эмоционально-смысловом комплексе соединялись у поэта-гражданина пламенная любовь к измученной Родине и жгучая ненависть к ее угнетателям:

И веря и не веря вновь
Мечте высокого призвания,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья, —

И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных, и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его кланут
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!

(«Блажен незлобивый поэт...» (1852) — 1, 98)

Именно такая *«любовь-ненависть»* воодушевляла Некрасова, служила источником вдохновения, что и обуславливало неповторимое идейно-художественное своеобразие его произведений. Муза поэта на протяжении всего его творческого пути — родная сестра страдающего народа. Такой она была в 1840-е годы («Вчерашний день, часу в шестом...» (1848)):

Вчерашний день, часу в шестом
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!» (1, 69)

Такой же *«сестрой народа»* оставалась некрасовская Муза и спустя тридцать лет, до конца 1870-х годов:

Не русский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу...
(«О Муза! я у двери гроба!» (1877) — 3, 218)

и до последнего вздоха поэта:

О Муза! наша песня спета.
Приди, закрой глаза поэта
На вечный сон небытия,
Сестра народа — и моя!
(«Музе» (1876) — 3, 183)

В романе «Три страны света» (1848) Некрасов выразил мысль о том, что всецелая увлеченность творца идеей предопределяет также высокую художественность его творения: «Когда художник до такой степени проникнут своей идеей, что не расстается с ней ни на минуту, что бы ни делал, о чем бы ни говорил, — верный признак, что произведение будет хорошо»⁵. В унисон звучат знаменитые строки некрасовской «Элегии» (1874):

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру, неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба... (3, 151)

Духовное родство с народом, любовь к нему была не просто идеей, но являлась также глубоко личным чувством Некрасова. Это заметил и верно выразил его ровесник Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881): «любовь к народу была у Некрасова как бы *исходом его собственной скорби по себе самом*. <...> В служении сердцем своим и талантом своим он находил все свое очищение перед самим собой. Народ был настоящею внутреннею потребностью его не для одних стихов. В любви к нему он находил свое оправдание. Чувствами своими к народу он возвышал дух свой. <...> В любви к народу он находил нечто незыблемое, какой-то незыблемый и святой исход всему, что его мучило. А если так, то стало быть, и не находил ничего святее, незыблее, истиннее, перед чем преклониться»⁶.

Первое оригинальное произведение Достоевского — роман «Бедные люди» (1846) — было опубликовано в «Петербургском сборнике», собранном и изданном Некрасовым. «Новый Гоголь явился», — с таким восторгом отозвался поэт о рукописи никому неизвестного тогда Достоевского, направившего свой писательский талант на защиту «бедных людей», «униженных и оскорбленных».

Их жизнь сам Некрасов знал не понаслышке. Лишенный какой бы то ни было материальной поддержки за то, что посмел ослушаться деспота-отца, прочившего сыну карьеру на военной службе, поэт уже в юности на своем собственном горьком опыте познал ужасы нищеты, голода, беспросветной нужды. Молодой человек в свои неполные 17 лет, вопреки родительской воле, летом 1838 года уехал из родного имения Ярославской губернии в Петербург, чтобы заняться в столице литературой — делом, к которому чувствовал пылкое внутреннее призвание. Но поначалу юноше пришлось вести жизнь литературного поденщика, чуть ли не раба: за жалкие гроши писать все, что только можно было хотя бы где-нибудь опубликовать.

Позднее в романе «Три страны света», написанном совместно с его гражданской женой А.Я. Панаевой, Некрасов нарисовал образ тупого, жадного и высокомерного издателя, который с презрением прогоняет нищего молодого литератора, даже не удосужившись прочитать его произведение. Без сомнения, в этой сцене унижения начинающего писателя много автобиографического: «мальчишка какой, который с голоду пишет в шестом этаже <...> Да ведь он сам виноват. Приходит бледный, мизерный такой, жметесь, запинаясь, точно сейчас уличили его, что он платок из кармана украл... "Где вы служите?" — спрашиваю я. — Нигде, — говорит. "Какой ваш чин?" — Никакого, — говорит. <...> Ну, каков литератор? <...> — Какая же причина, — говорит, — вашего отказа? — Я рассмеялся. "Ну, какая причина? Ты, любезнейший, посмотри на себя, — говорю, — так и увидишь, какая причина"» (164–165).

В стихотворении «Праздник жизни — молодости годы...» (1855) поэт писал о себе:

Праздник жизни — молодости годы —
Я убил под тяжестью труда
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени — не был никогда. (1, 162)

Некрасов говорил о том времени: «Господи, сколько я работал. Уму непостижимо, сколько я работал». Но этот тяжкий труд не приносил ни морального удовлетворения, ни хотя бы скромного достатка. Некрасов вспоминал о начале 1840-х годов: «Это было самое горькое время. Ровно три года я чувствовал себя каждый день голодным. Не раз доходило до того, что я отправлялся в один ресторан, где дозволялось читать газеты, даже если ничего и не спросил для себя. Возьмешь, бывало, газету, а сам пододвинешь к себе тарелку с хлебом и ешь». Даже в морозные зимы поэт носил тонкое холодное пальто, ночевал на чердаках, на личном опыте познал жизнь петербургских трущоб.

Роман «Три страны света» открывается эпизодом, возможно, связанным с подлинной биографией Некрасова. В комнатухе главного героя Тимофея Каютина — бедного молодого дворянина — ранним утром 183* года домохозяин выставил оконную раму, пока постельщик спал, чтобы хорошенько проморозить его и таким образом понудить жильца погасить долг по квартирной плате. Множество других автобиографических реалий, даже до мельчайших деталей, также вовлекаются в повествование: «Каютин отыскал старое пальто, <...> которое, впрочем, оказалось хоть куда, только петли прорваны» (33).

Тем не менее «школа бедности» (243) не сломила Некрасова, а только укрепила его духовную решимость не оставлять избранного пути: «Я дал себе слово не умереть на чердаке. Нет, — думал я, — будет и тех, которые погибли прежде меня, — я пробьюсь во что бы то ни стало». Так же настроен его герой Каютин: «Я соберу все мои силы, — буду работать без сна и без отдыха, добьюсь, что жизнь наша будет обеспечена, счастье наше будет упрочено» (28), — клянется он любимой девушке. В прямом смысле без сна и без отдыха работал сам Некрасов: «Я, бывало, запрусь, засвечу огни и пишу, пишу. Мне случалось писать без отдыха более суток. Времени не замечаешь, никуда ни ногой, огни горят, не знаешь, день ли, ночь ли; приляжешь на час, другой и опять за то же...»

Слово, данное самому себе: выбиться из нищеты, реализовать свой талант «во что бы то ни стало», — Некрасов сдержал:

Но с детства прочного и кровного союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрез бездны темные насилия и зла,
Труда и голода она меня вела —
Почувствовать свои страдания научила
И свету возвестить о них благословила...
(«Муза» (1852) — 1, 100)

Он стал первостепенным поэтом, знаменитым издателем, редактором и автором легендарных журналов «Современник» и «Отечественные записки» — сверхпопулярных в России середины XIX века. В них Некрасов сумел сплотить наилучшие литературные силы страны, среди которых были Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. Н. Островский, Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин.

Наконец, Некрасов заработал свой вожделенный «миллион», который грезился ему еще в годы голодной юности. Некоторые отзвуки жизненного пути поэта слышны в строфах его «современной баллады» «Секрет» (1855):

Огни зажигались вечерние,
Выл ветер и дождик мочил,
Когда из Полтавской губернии
Я в город столичный входил.

В руках была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плечах шубенка овчинная,
В кармане пятнадцать грошей.

Ни денег, ни званья, ни племени,
Мал ростом и с виду смешон,
Да сорок лет минуло времени —
В кармане моем миллион! (1, 160–159)

Впрочем, в этой балладе представлена совсем другая история — предсмертная исповедь, позднее раскаяние старого богача-скряги, который нажил свое состояние воровством и грабежами.

В некрасовском творчестве показано, что в России это самый обычный и привычный путь первоначального сколачивания капиталов:

Где сплошь да рядом — видит Бог! —
Лежат в основе состоянья
Два-три фальшивых завещанья,
Убийство, кража и поджог!
(«Современники» (1875) — 4, 240)

ЧАСТЬ II

Один из антигероев сатирической поэмы «Современники» с говорящей фамилией Зацепин в порыве запоздалой откровенности, когда сам же он явился причиной гибели своего единственного сына, признается:

Я — вор! Я — рыцарь шайки той
Из всех племен, наречий, наций,
Что исповедует разбой
Под видом честных спекуляций!
<...>
Где позабудь покой и сон,
Добычу зорко карауля,
Где в результате — миллион
Или коническая пуля! (4, 240)

Возвращаясь к разговору о современном восприятии поэта студентами филологического факультета (другие вряд ли читают Некрасова), надо отметить весьма показательную особенность. Нынешним молодым людям его творчество уже не кажется архаичным, устаревшим, как представлялось молодежи в советский период. Наоборот, познакомившись с поэмой «Современники» сегодня, юноши и девушки единодушно подтверждают свое впечатление некой удивительной «машины времени»: то ли мы переместились в эпоху, описанную Некрасовым, то ли он перенесся в день нынешний и является нашим современником, очевидцем происходящего в России здесь и сейчас, изображая в точности эпоху дикого капитализма.

Поэма открывается меткой характеристикой этой эпохи. Подмечено и выражено настолько верно, что некрасовские слова сразу же стали универсальной крылатой фразой:

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлей». (4, 187)

В «Современниках» представлен целый свод «новейших господ». Это буржуа, капиталисты, ростовщики-банкиры, коррумпированная государственная администрация с армией жадных чиновников, сословие так называемых благородных, продавших честь и совесть ради преступной наживы:

Грош у новейших господ
Выше стыда и закона;
Нынче тоскует лишь тот,
Кто не украл миллиона. (4, 241)

Все они видят свой идеал не в России, а в «американской мечте» о быстром обогащении:

Бредит Америкой Русь,
К ней тяготея сердечно...
Шуйско-Ивановский гусь —
Американец?.. Конечно!

Что ни попало — тащат,
«Наш идеал, — говорят, —
Заатлантический брат:
Бог его — тоже ведь доллар!..» (4, 241)

Поклоняясь золотому тельцу: *«идеал их — телец золотой»* (2, 236), — истинного Бога они чтут только ханжески. Так, *«миллионщик-мукомол»*, привыкший умасливать остатки нечистой совести псевдорелигиозным благочестием, подобные советы раздает также своим преступным собратьям:

Чтобы совесть успокоить,
Поговей-ка ты постом,
Да советую устроить
Богадельный дом.

Перед ризницей святою
В ночь лампадки зажигай,
Да получше, без отстою,
Масло наливай! (4, 242–243)

В сатирической поэме изобличена целая галерея таких лихоимцев. Среди них — персонаж с весьма характерной фамилией — Савва Антихристов. Его сообщник, такой же пособник антихриста — садист-миroeд, *«купчина толстопузый»* с фамилией, не менее говорящей:

Подошел и Фёдор Шкурин.
«Прочь! Не подходи!
Вместо сердца грош фальшивый
У тебя в груди!

Ты ребенком драл щетину
Из живых свиней,
А теперь ты тянешь жилы
Из живых людей!» (4, 243)

Еще один из когорты «денежных мешков» беззастенчиво бахвалится:

Уж лучше бить, чем битым быть,
Уж лучше есть арбузы, чем солому...
Сознал ты эту аксиому?
Так, стало, не о чем тужить! (4, 247)

Эти алчные, прожорливые вурдалаки, сосущие народную кровь, заглатывающие в свои адские утробы достояние и богатства России, не насытятся никогда, у них «иные аппетиты»:

И то уж хорошо, что выиграл ты бой...
Толпа идет избитою тропой;
Рабы довольны, если сыты,
Но нам даны иные аппетиты...

О Господи! Удвой желудок мой!
Утрой гортань! Учетвери мой разум!
Дай ножницы такие изобрести,
Чтоб целый мир остричь вплотную разом. (4, 247)

Здесь и хищные «банкиры» (4, 245), исполняющие свою *«мелодию»*. В ней подаются «толковые советы», как избежать ответственности, проворовавшемуся грабителю государственной казны:

Денежки есть — нет беды,
Денежки есть — нет опасности
<...>

Вытрите слезы свои,
Преодолейте истерику.
Вы нам продайте паи,
Деньги пошлите в Америку.

Вы рассчитайте людей,
Вы распустите по городу
Слух о болезни своей,
Выкрасьте голову, бороду,

Брови... Оденьтесь тепло.
Вы до Кронштадта на катере,
Вы на корабль... под крыло
К насей финансовой матери*.

Денежки — добрый товар, —
Вы поселяйтесь на жительство,
Где не достанет правительство,
И поживайте как — царrrr!.. (4, 245)

Современник Некрасова, великий русский писатель Николай Семёнович Лесков в романе «На ножах» разоблачил один из распространенных способов многовековой массовой мимикрии противников Христа, подобных Тихону Кишенскому — экс-нигилисту, жадному и хитрому ростовщику, мошеннику, продажному журналисту, вероломному интригану, шпиону, «полицейскому», подлецу и предателю — словом, «деятелю на все руки». Таким, как он, «нужен столбовой дворянин», в том числе и для того, чтобы под прикрытием знатных фамилий пробираться на руководящие должности, занимать ключевые посты в государственных, коммерческих, религиозных, общественных учреждениях России с целью разлагать и уничтожать население страны, глумясь над его христианскими идеалами и православной верой; маскируясь русскими именованиями и вывесками; снаружи рядясь в овечьи шкуры, будучи изнутри волками; фарисейски прикрываясь благими целями добродетели, безбожно обогащаться, получать свои барыши, выгоды, прибыли и сверхприбыли, служить не Богу, а мамоне.

В одной компании с грабителями и коррупционерами — видный государственный деятель, носящий личину неподкупного борца с коррупцией:

Гонитель воров беспощадный,
Блистающий честностью муж
Ждет случая хапнуть громадный,
Приличный амбиции куш! (4, 242)

Все они чувствуют себя героями, «*триумфаторами*» (глава «Юбилеры и триумфаторы»), торжествующими «блестящую победу» в ограблении России:

Мелькают крупные слова:
«Герою много лет...»
«Ликуй, Орёл!..» «Гордись, Москва!» (4, 188)

Ужасающе омерзительны паразитирующие на жизни страны и народа эти ликующие упыри. Общения с ними надо чуждаться, подобно тому, как следует избегать малейшего соприкосновения с гнусными тварями, мерзкими ядовитыми гадами:

* Англия. — Примечание Н. А. Некрасова.

Прочь! Гнушаюсь ваших уз!
Проклинаю процветающий,
Всеберущий, всехватающий,
Всеворующий союз!.. (4, 245)

«*Струны карающей лиры*» (2, 231) в оригинальной мозаике поэмы задевают и «*военных чинов*», и «*статских тузов*», и «*безличную сволочь салонов*» (2, 232) — «*Общество пестрое: франты, гусары, / И генерал, и банкир, и кулак*» (4, 204) — всех, у кого на уме только деньги, нажива, капитал, стремление к безумной роскоши:

Каждый графом живет:
Дай квартиру в пятьсот,
Дай камин и от Тура кушетку.
Одевает жену —
Так, что только ну, ну!
И публично содержит лоретку!
(«*Финансовые соображения*» (1861) — 2, 102)

В поэме «Балет» (1866) Некрасов изобличает тлетворную атмосферу духовно-нравственного разложения, распада человеческих связей, физического вырождения:

Разорило чиновников чванство,
Прожилась за границею знать,
Отчего оголело дворянство,
Неприятно и речь затевать! (2, 233)

Всеобщая продажность как следствие маниакальной одержимости идеей обогащения любыми путями доходит до крайних пределов. Даже молодые люди — и юноши, и барышни — готовы выставить себя, свою юность на продажу. Но богатых дряхлых покупателей — охотников до такого «товара» — еще требуется поискать:

Тщетно юноши рыщут по балам,
Тщетно барышни рядятся в пух —
Вовсе нет стариков с капиталом,
Вовсе нет с капиталом старух! (2, 233)

Солидные капиталы в России, конечно, есть. Только сосредоточены они в руках у немногих:

Есть в России еще миллионы,
Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены, —
Сотня тысяч рублей, что ни грудь!
В жемчугах лебединые шеи,
Бриллиант по ореху в ушах! (2, 235)

Потребительским товаром также становится женская красота.

Позавидуй! Эффект чрезвычайный!
Бриллианты, цветы, кружева,
Доводящие ум до восторга,
И на лбу роковые слова:
«Продается с публичного торга!»
(«Убогая и нарядная» (1857) — 2, 40)

Представительницы прекрасного пола, напрочь лишенные возвышенных чувств, мечтают не о любви, а том, как бы продать свою красоту подороже:

Вообще в бельэтаже сияло
Много дам и девиц красотой.
Очи чудные так и сверкали,
Но кому же сверкали они?
Доблесть, молодость, сила — пленяли
Сердце женское в древние дни.
Наши девы практичней, умнее,
Идеал их — телец золотой, <...> (2, 236)

Со времени создания этих некрасовских произведений с их социально-политической аналитикой словно ничего не изменилось. Поэт живет в двух эпохах: в конце XIX-го века и в веке XXI-м. По-прежнему в России:

Администрация — берет
И очень скупо выпускает,
Плутосократия дерет
И ничего не возвращает
(«Что нового?» — 3, 221)

Все так же страна в глубоком финансовом кризисе:

Из столиц каждый час
Весть доходит до нас
Про какой-то финансовый кризис.
Эх! Вольно ж, господа,
Вам туда и сюда
Необдуманно деньги транжирить.
(«Финансовые соображения» (1861) — 2, 100)

Процветания, обновления народной жизни к лучшему не замечается нигде и, по всей видимости, ждать его в скором будущем глупо:

Что ж я не вижу следов обновления
В бедной отчизне моей?

<...>

В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедность, невежество, мрак.
Где же ты, тайна довольства народного?
Ворон в ответ мне прокаркал: «дурак!»

(«Время-то есть, да писать нет возможности...» (1876) — 3, 173)

Тех, кто ратует за идеалы *«любви, свободы, мира»*, в «век крови и меча» становится все меньше:

Где вы — певцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Век «крови и меча»!
На трон земли ты посадил банкира,
Провозгласил героем палача...

(«Поэту (Памяти Шиллера)» (1874) — 3, 166)

При таком социально-политическом устройстве, когда *«Душно! Без счастья и воли / Ночь бесконечно длинна. / Буря бы грянула, что ли? / Чаша с краями полна!»* (3, 64) — культивируются провокации, доносы, предательство:

В наши дни одним шпионам
Безопасно, как воронам
В городской черте.

(«Праздному юноше» — 3, 225)

Люди, равнодушные к судьбе родины и народа, практически лишены возможности собраться с силами.

За желанье свободы народу
Потеряем мы сами свободу,
За святое стремленье к добру, —
Нам в тюрьме отведут конуру.

(«За желанье свободы народу...» — 3, 228)

Боль об истерзанном народе и о замученных его защитниках наполняется в некрасовской лирике молитвенным пафосом:

Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...
Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом

Бог угнетенных, Бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем!
(«Тишина» (1857) — 4, 52)

Это общая молитва с народом — *единым сердцем*:

Все население, старо и молодо,
С плачем поклоны кладет,
О прекращении лютого голода
Молится жарко народ.

Редко я в нем настроение строже
И сокрушенной видал!
«Милуй народ и друзей его, Боже! —
Сам я невольно шептал. —

Внемли моление наше сердечное
О послуживших ему...
Об осужденных в изгнание вечное,
О заточенных в тюрьму,

О претерпевших борьбу многолетнюю
И устоявших в борьбе,
Слышавших рабскую песню последнюю,
Молимся, Боже, Тебе».

(«Молебен» (1876) — 3, 181)

В стихотворении «Пророк» (1874) Некрасов создал идеальный образ выдающегося общественного деятеля — отважного борца со злом и с несправедливостью. Это не портрет Н. Г. Чернышевского (как учили в советской школе), а поэтическое выражение гражданского идеала. Однако земной путь такого *пророка*, отважно несущего заповеди Христа, — это крестный путь. Он исполнен страданий, заканчивается трагически, подобно земному пути Господа на Голгофе:

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал Бог гнева и печали
Рабам земли напомнить о Христе. (3, 154)

Лирического героя некрасовской поэзии восхищает способность к самоотверженному служению Истине. Эта судьба представляется возвышенной и завидной:

Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее — тернового венка...
(«Мать» (1868) — 3, 62)

Но в себе самом поэт не находил достаточно сил, чтобы разделить такую судьбу. Оттого испытывал он настоящую духовную скорбь, постоянные укоры совести:

Узы дружбы, союзов сердечных —
Все порвалось: мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.

Песни вещие их не допеты,
Пали жертвой насилья, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

(«Скоро стану добычею тленья...» (1876) — 3, 176)

Некрасову всегда казалось, что для родины и народа он сделал слишком мало — и в творческом плане, и в общественно-политической жизни: *«Мне борьба мешала быть поэтом, / Песни мне мешали быть бойцом»* («З<и>не» (1876) — 3, 175). Наделенный даром неумолкающей совести, он скорбел и *«по себе самом»* (согласно чуткому замечанию Достоевского), по своему собственному несовершенству:

Любовь и Труд — под грудями развалин!
Куда ни глянь — предательство, вражда,
А ты молчишь — бездействен и печален,
И медленно сгораешь от стыда.

И Небу шлешь укор за дар счастливый:
Зачем тебя венчало им оно,
Когда душе мечтательно-пугливой
Решимости бороться не дано?..

(«Поэту» (1877) — 3, 302)

Зинаида Гиппиус в работе «Загадка Некрасова» (1938) справедливо и тонко отмечала, что поэту «был послан великий дар — Совесть, если в песнях его плачет она, и ею терзались его душа и тело. Не она ли подсказала — не уму, а сердцу его, что не нужно оправдания, нужно прощенье?»⁷

Пусть не забывают об этом те *«радетели»*, которые даже и сегодня пытаются чернить имя великого Поэта, жонглируя фактами его частной жизни и оставляя в стороне его творческий подвиг:

Много, я знаю, найдется радетелей,
Все обо мне прокричат,
Жаль только, мало таких благодетелей,
Что погрустят да смолчат.

(«Угомонись, моя Муза задорная...» (1876) — 3, 177)

К «остервенелой толпе» злопыхателей, готовых побивать камнями за каждый нетвердый шаг или неверный «лиры звук», но забывающих о Христовой заповеди: «кто из вас без греха первый брось <...> камень» (Ин. 8: 7), обращался Некрасов в стихотворении «Зачем меня на части рвете...» (1867): «Не оправданий я ищу, / Я только суд твой отвергаю» (3, 45).

«Некрасов никогда, ни перед кем и ни в чем, не оправдывался: он только просил прощенья. Родине, друзьям, врагам, любимой женщине он говорил "прости"! "Прости" было и последним, невнятно прошептанным словом его перед кончиной»⁸. Как лирическое заклинание звучит шедевр некрасовской любовной лирики из «Панаевского цикла» стихотворений:

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья, —
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

Но дни, когда любви светило
Над нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь, —
Благослови и не забудь!
(«Прости» (1856) — 2, 30)

Еще в ранней молодости поэт задумывался о том, как совершится последний исход от земной жизни. В юношеский сборник стихотворений Некрасова «Мечты и звуки» было включено послание «Смерти» (1838). 17-летнему поэту мечталось, чтобы при переходе к «жизни неземной» душа была свободной от греховной суетности, молитвенно настроенной, чистой:

Не приходи в часы волнений,
Сердечных бурь и мятежей,
Когда душа огнем мучений
Сгорает в пламени страстей. <...>

Приди ко мне в часы забвенья
И о страстях и о земле,
Когда святое вдохновенье
Горит в груди и на челе; <...>

Когда я мыслью улетаю
В обитель к Горнему Царю,
Когда пою, когда мечтаю,
Когда молитву говорю.

Я близок к Небу — смерти время!
Нетруден будет переход;
Душа, покинув жизни бремя,
Без страха в Небо перейдет... (1, 188–189)

Спустя 40 лет после этих стихов жизненный круг замкнулся. Прежде чем перейти в жизнь вечную (Ин. 12: 50), Некрасов претерпел длительное мучительное умирание от тяжелой болезни:

Двести уж дней,
Двести ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днем
В сердце твоём
Стоны мои отзываются
(«З<и>не» (1876) — 3, 179)

В перерывах между приступами нестерпимой боли поэт и на смертном одре продолжал творить. Его цикл «Последние песни» (1876–1877) — это не только хроника течения смертельной болезни, физических и нравственных мучений страдальца:

Непобедимое страданье,
Неутолимая тоска...
Влечет, как жертву на закланье,
Недуга черная рука. (3, 203)

Здесь слышится и своеобразное «самоотпевание» поэта:

Скоро стану добычею тленья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть. (3, 176)

В полный голос звучат мотивы исповедальные, покаянные:

О Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба —
Не плачь! Завиден жребий наш <...>
(«О Муза! я у двери гроба!..» (1877) — 3, 218)

В то же время Некрасов сохраняет стойкость и мужество, проявляет необыкновенную силу духа:

Борюсь с мучительным недугом,
Борюсь — до скрежета зубов...
О Муза! ты была мне другом,
Приди на мой последний зов!

Уж я знавал такие грозы;
Ты силу чудную дала,
В колючий терн вплетая розы,
Ты пытку вынесть помогла.

(«Вступление к песням 1876–1877 годов» — 3, 184)

С исключительным лирическим проникновением обращается поэт к Родине, которой служила его Муза, смиренно испрашивая прощения: *«За каплю крови, общую с народом, / Мои вины, о Родина! прости!..»* (3, 41) — и последнего благословения:

Много истратят задора горячего
Все над могилой моей.
Родина милая, сына лежащего
Благослови, а не бей!..

(«Угомонись, моя Муза задорная...» (1876) — 3, 177)

«Венец любви, венец прощенья, / Дар кроткой Родины твоей...» («Баюшки-баю» (1877) — 3, 204) поэту был ниспослан.

Поразительно, что похоронные мотивы «самоотпевания» слились у Некрасова с мотивами оптимистичными, жизнеутверждающими:

Устал я, устал я... мне время уснуть,
О Русь! ты несчастна... я знаю...
Но все ж, озирая мой пройденный путь,
Я к лучшему шаг замечаю.

(«Устал я ...» (1877) — 3, 217)

Торжествующий голос поистине пасхального Воскресения, победного возрождения также в полную силу звучит в «Последних песнях» Некрасова:

Так запой, о поэт! Чтобы всем матерям
На Руси на Святой, по глухим деревням,
Было слышно, что враг сокрушен, полонен,
А твой сын — невредим, и победа за ним,
Не велит унывать, посылает поклон.

(«Так запой, о поэт!..» (1877) — 3, 212)

В вершинном произведении своего творчества — эпической поэме «Кому на Руси жить хорошо», которую поэт писал до последних дней своих, но она так и осталась незавершенной, Некрасов создал удивительно яркий и цельный образ русского народа — не только мученика и страдотерпца, но и могучего богатыря, исполненного физических и духовных сил, истинного христианского духа свободы. Таков столетний Савелий, богатырь святорусский:

Уйдет в свою светелочку,
Читает Святцы, крестится,
Да вдруг и скажет весело:
«Клейменный, да не раб!»... —

весьма поучительный образ для затейников современных «меток», «штампов», «кодов», возжелавших поставить на людей рабское «клеймо», как на товар.

Горячую веру в силу и мощь русского народа, в счастливое будущее России: «Свободной, гордой и счастливой / Увидишь родину свою» (3, 204) — выразил Николай Алексеевич Некрасов:

Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь!

Будем верить и мы...

Примечания к части I

1. Некрасов Н.А. Железная дорога // Некрасов Н.А. Собр. соч.: В 15 т. — Л.: Наука, 1981– 2000. — Т. 2. — С. 169–170. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
2. Антонович М.А. Несколько слов о Николае Алексеевиче Некрасове, 1878 // Русская критика XVIII–XIX веков. — М.: Просвещение, 1978. — С. 381.
3. Григорьев А. Стихотворения Н. Некрасова // Григорьев А. Литературная критика. — М.: Худож. лит., 1967. — С. 486.
4. Там же. — С. 458.
5. Некрасов Н.А., Панаева А.Я. Три страны света. — Курск, 1960. — С. 243. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.
6. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 год. Глава вторая, I, IV // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. — Т. 26. — Л.: Наука, 1984. — С. 123–126.

Примечания к части II

7. Гиппиус З.Н. Загадка Некрасова // Гиппиус З.Н. Арифметика любви (1931–1939). — СПб.: Росток, 2003.
8. Там же.

**Пётр Кобликов. Слово редактора.
М.: «Вест-Консалтинг», 2025**

«Как вы яхту назовете, так она и поплывет». Эта песня из мультфильма про капитана Врунгеля как нельзя более соответствует содержанию настоящего издания. Пётр Кобликов — редактор с 50-летним стажем, который не может себе позволить игнорировать устоявшееся представление о книге как о товаре. Да, книга — особого рода, штучный, но все же товар. А товар приходится рекламировать. Конечно, не «в лоб»: налетай, торопись, покупай, а с изяществом, свойственным образованному, интеллигентному человеку, большую часть своей жизни посвятившему книжной культуре.

Колонка «Слово редактора» — это текст, который способен вмещать в себя рецензию, комментарий, короткое эссе или обзор. Колонка может открыто призывать читателей к определенным действиям: «Давайте же, перелистывая эту книгу, заглянем в двадцатую, двадцать первую и двадцать вторую тетради дневников Валерия Золотухина и проживем вместе с ним почти семнадцать месяцев от середины марта 1972 года до начала августа 1973 года». И правда, давайте! Что там такого интересного, в этих дневниках?.. Вводный абзац интригует, поскольку редактор понимает ту задачу, которую поставил перед собой автор, и представляет нам книгу, исходя из того, что получилось у автора.

Не так-то легко это сделать, как многие думают, поскольку предисловие, которое настраивает читателя «на волну» автора, транслирует схожее с автором понимание текста. Грамотное предисловие обязано погрузить нас в атмосферу книги, сделать так, чтобы мы, однажды открыв книгу, дочитали ее до конца, а для этого автор предисловия обязан соблюсти два правила: передать нам, о чем пойдет речь на страницах данной книги, и убедить нас в том, что эта книга заслуживает нашего внимания. Дар красноречия должен для этого уравниваться серьезным критическим мышлением, ну, и, конечно, не обойтись без искренности: если редактор не верит в свое «детище», читателя оно не заинтересует. И тем ценнее интонация, с которой Пётр Кобликов представляет вверенное ему издание: «Читая строки, а иногда и междустрочия этой книги, вы поймете, каков автор был тогда сам, каково было ему. Попробуйте сами почувствовать всю глубину душевной неприкаянности и осмыслить степень житейской неустроенности не самого последнего артиста и просто человека, мужчины, приближающегося к возрасту Христа».

Прав или не прав редактор в своих замечаниях, читатель не оценивает, т.к. вариант, который разбирает редактор, ему недоступен. И здесь вступает в силу ответственность редактора перед читателем. Вступление редактора воспринимается читателем не только как личное мнение, оно выражает позицию всей редакции по отношению к тем или иным явлениям: «Читая эту книгу, не стремитесь упрекнуть автора в недопустимом, на ваш взгляд, обнажении его внутреннего мира, его семейных сложностей, его отношений с другими людьми. Но помня, что эти записи

были сделаны Валерием Золотухиным для себя, что только теперь он нашел в себе силы поделиться сокровенными страницами своих дневников с читателями, прочтите все это с состраданием, пусть и обращенным в прошлое». Конечно, невозможно всегда оставаться нейтральным. Не выносить оценок — значит не откликаться на текст эмоционально, однако читатель не должен переходить тонкую грань, за которой суждение превращается в осуждение, о чем и предупреждает Пётр Кобликов, предваряя своим напутствием текст автобиографии замечательного артиста Валерия Золотухина: «И не осуждайте сочинителя за попадающиеся иногда озорные описания телесных подробностей и свойств, а то и за мелькающее кое-где соленое словцо: "Не судите сами и не судимы будете"». Да и не хочется осуждать. Осуждая кого-то, человек возвышается над другим, над тем, кто якобы «ниже». Но тот, кто поделился с нами глубоко личными переживаниями, нисколько не «ниже», вовсе нет! Как раз наоборот: выпуск автобиографической книги, пусть и весьма откровенной, — это смелость поделиться с аудиторией как взлетами, так и падениями, чем-то, что обычно люди хранят в темных уголках своей памяти. Оценивая опыт другого человека, нужно учитывать его мировоззрение, а также индивидуальный опыт: кто знает, как поступили бы мы с вами, окажись в схожих обстоятельствах?..

Лаконичны вступления Петра Кобликова к книгам Любови Орелович. Главная задача — окунуть читателя в энергетику текста и увлечь пользой от прочтения — решается буквально в первом абзаце: «Это уже не первое исследование, принадлежащее перу Любови Орелович, преданной хранительницы культурных традиций Дубны. Читая эту книгу, понимаешь, что смена моды в политических предпочтениях едва ли должна быть основанием для того, чтобы подвергать сомнению или даже отвергать творческое наследие выдающихся художников прошлого». Отлично проделанная работа по захвату внимания: значимость конкретной книги в глазах читателя резко возрастает несмотря на то, что не всякий читатель любит такого рода вступления.

«Детское чтение для сердца и разума» — первый детский журнал в России. Его история начинается аж в 1785 году! На страницах журнала публиковались лучшие произведения западноевропейской литературы и философии, отобранные по такому принципу, чтобы юный читатель мог понять и прочувствовать написанное. Тогда основное место в журнале занимали переводы произведений нравоучительного толка. Пётр Кобликов, будучи в наше время главным редактором этой жемчужины детской литературы, трепетно относится к своим обязанностям, а к потенциальным авторам — со строгостью, присущей своему положению. А как иначе? Работа редактора — это, по сути, критика работы автора с позиции интересов читателя, общества и собственных интересов автора. В «Слове редактора» опубликовано интервью с Петром Александровичем, в котором он отвечает на вопросы корреспондента журнала «Наша улица». Приведу полностью его ответ на вопрос: «А сами авторы обращаются в журнал со своими предложениями?». Эти слова отражают нравственную позицию автора: «Я почти каждый день нахожу у себя на редакционном столе и прозаические, и стихотворные тексты, пришедшие и по обычной, и по электронной почте, и принесенные в издательство авторами лично. Есть среди этих сочинений такие, которые, если можно так сказать, вполне вписываются в общую картину современной детской литературы. Но как, например, после стихотворения А. В. Кольцова и перед рассказом Н. В. Гоголя поставить нечто, где есть словцо "прикольно"? Где персонажи доводят до обморока учителя? Или где среди героев сказки оказывается не кто-нибудь, а... мама, у которой наблюдаются явные признаки девиантного поведения? Вот и приходится от чего-то отказываться». Для детского чтения столь жесткая позиция — единственно возможная. С самого раннего

возраста стоит объяснять и аргументировать маленькому человеку, почему именно это нельзя или чем именно то или иное поведение плохо или вредно.

Назначение детского журнала — взрастить в маленьких читателях любовь к чтению и развить любознательность. Этого не достичь, если произведения не проходят строгий редакторский отбор. Но самое главное, что опытный редактор одинаково хорошо способен как донести книгу до взрослого читателя, так и собрать номер детского журнала, ориентируясь отнюдь не на собственные предпочтения. Книга Петра Кобликова — это и пример высококлассной работы редактора, и просто увлекательное чтение, которое обогащает читателя духовно и мотивирует к поиску знаний.

Ольга ЕФИМОВА

**Константин Комаров, «Стихи о русских поэтах»
М.: Издательский дом «Зебра Е», 2024**

История русской литературы знает немногие примеры критических высказываний, осуществленных поэтическими средствами. В 1928 году в стихотворной повести Ильи Сельвинского «Записки поэта» читатель нашел развернутую вступительную статью критика Галицкого к посмертному сборнику стихотворений безвременно погибшего поэта Евгения Нея. Статья вымышленного критика о стихах вымышленного поэта была написана в той же манере, что и вся повесть Сельвинского — разработанным конструктивистами своеобразным прозаизированно-раскачанным тактовиком. Уже в иную литературную эпоху, в 1964 году, Леонид Мартынов предварил свой собственный сборник избранных переводов небольшим стихотворным очерком «Проблема перевода» — ставшим одной из вершин мартыновской поэзии поздних лет. В 1970 году Александр Кушнер пишет стихотворение «Вместо статьи о Вяземском», давшее начало целому ряду стихотворений нашего выдающегося современника о дорогих его сердцу стихах и поэтах.

Речь идет не о попытке очертить в стихах портрет того или иного поэта — современника ли, предшественника (в противном случае примеры можно было бы множить без конца), но именно о той нагрузке, которые берут на себя стихи, готовые соревноваться со слогом прозаическим на поле критики и эссеистики.

Можно обратиться и к работам более объемным, выставшим в циклы и книги. В 1999 году вышла последняя книга поэта и критика Льва Озерова «Портреты без рам». То была книга мемуарных эссе в стихах, в которой размышления об искусстве и времени всякий раз оказывались сфокусированы на судьбе того или иного художника, которого знал Озеров. Своего рода критическими статьями и блистательными нелицеприятными разборами являются непревзойденные пародии 1920–30-х гг. Александра Архангельского.

Я касаюсь здесь, разумеется, не всех косвенных предшественников Константина Комарова, выходящего к читателю с книгой «Стихи о русских поэтах». Как и всякая подлинная книга, работа эта не возникла на пустом месте — равно как не было и готовых лекал, по которым она могла быть скроена. Есть лишь одна определяющая общность. В основе всех названных работ лежит своеобразное правило трех единств: читатель — критик — поэт.

«Стихи о русских поэтах» — прежде всего итог вдумчивого читательского взаимодействия с любимыми стихами. Перед нами как бы происходит кристаллизация читательского опыта — за стихами вырастает образ того самого Читателя стиха, о котором поэт сказал: «Читатель стиха — не просто читатель. / Читатель стиха — артист». Отсюда мы переходим к «артистической», художественной стороне дела — к тем особенностям и принципам, по которым строится эта книга своеобразных поэтических эссе. К. Комаров нашел свою форму, свой стих, если угодно, свой метод в создании портретов столь разных поэтов, собранных под одной обложкой.

Обо всех поэтах — будь то Тютчев или Кручёных, Заболоцкий или Башлачёв, Горбовский или Рыжий — Комаров пишет в пяти строфах общим объемом в двадцать строк (намек на пушкинский «Памятник»?). Многообразие эссе цементируется единством стиха. Если Комаров-читатель пропустил через себя всех названных и неназванных поэтов, их стихи, биографии, критику и исследования о них, то Комаров-поэт будто заново впускает их в свой стих — предоставляя им самим дело наполнения каждого стихотворения-посвящения. Более того: в отдельных случаях он как бы «делит» с ними поэтику, максимально сокращая расстояние между портретом и оригиналом. Но стих при этом

остаётся своим, комаровским, пишет ли поэт о Жуковском или Анненском, о Блоке или Пастернаке. Все портреты поэтов набросаны одним узнаваемо-отточенным звуковым карандашом, что, в конечном счете, и дает право К. Комарову братья за такую рискованную задачу — взваливая на плечи стиха исследовательско-антологический груз.

Я сознательно употребляю тут слово «набросаны», памятуя о словах другого поэта: «Чем тоньше схвачены черты, / Тем отдаленней воплощенье». У Комарова случай обратный, он не корпит над выведением отдельных черт, его портреты беглые, стремительные и — всегда — живые. Пожалуй, уместно здесь использовать озеровское выражение «портреты без рам» — в лучших посвящениях Комарова «образ, в слове явленный» оказывается ассоциативно спрессован до такой степени, что, лишь прикоснись к нему внимательный читатель, раскрывается во все стороны, захватывая как собственно поэтический, так и биографический, историко-литературный и проч. планы и контексты. Поэт сжимает в стихотворении самое главное, оставляя, по законам поэзии, одни только необходимые слова, которые порой работают в читательском сознании не менее действенно, чем обширные литературоведческие изыскания.

Сколь обособленно стоит каждый портрет в галерее Комарова, столь, одновременно, трудно выделить какой-либо из них. Можно, скорее, говорить о выборе поэтов — выборе живом, пристрастном, иногда, что называется, «дискуссионном» (так и слышу вопрос такого же, как Комаров, пристрастного читателя: почему-де есть стихи про поэта Х и нет — об Y и Z?!), но никогда не исходящем из тех или иных идеологических схем и перестраховок. Это — искренний выбор неравнодушного читателя стиха, поэта, ощущающего себя наследником всей русской поэзии сразу, без деления талантливых поэтов прошлого на «своих» и «чужих». Разумеется, далеко не все читатели, вслед за автором, назовут среди своих любимых поэтов именно эти, выбранные им, пятьдесят фамилий. Лично мне, скажем, в этом смысле ближе начало и середина книги, а кто-то, уверен, начнет читать ее с конца. Едва ли, однако, найдется читатель поэзии, для которого большинство встающих с этих страниц живых имен — «пустой для сердца звук».

Сказав обо всех, в не меньшей степени Константин Комаров, как и подобает поэту, сказал о себе. Заставив нас взглянуть на своих героев сквозь призму его поэтических эссе, сам он — поэт и критик — по-новому открылся перед нами: как острый читатель и слушатель стиха, синтезировавший принципы своей многолетней работы в поэзии и критике.

И последнее. Я сознательно избегаю цитат, боясь вырвать из контекста, из общей пряжи «почвы и судьбы» ту или иную нить. Контекст здесь — пути поэзии и времени, ни больше ни меньше. Будущие читатели, критики и, понадемся, исследователи этой книги возьмут от нее каждый по столько слоев, сколько «смогут унести». Хватит всем. И еще останется.

Константин ШАКАРЯН

«Зинзивер»
(Санкт-Петербургский литературно-художественный журнал)
Издательство «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 500 экз.
Сдано в набор 20.02.2025
Подписано в печать 07.03.2024